

Александр Михайловский
Юлия Маркова

НАРОД ВЕЛИКОГО ДУХА

Книга отца Бонифация

Прогрессоры - 5

Прогрессоры

Александр Михайловский

Народ Великого духа

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2020

Михайловский А. Б.

Народ Великого духа / А. Б. Михайловский — «Александр Михайловский и Юлия Маркова», 2020 — (Прогрессоры)

Группа британских кельтов-думнониев VII века нашей эры, провалившись в Каменный Век при попытке спастись от нападения диких саксов, постепенно осваивается в племени Огня, приходя к пониманию, что здесь им предстоит прожить всю жизнь. Удастся ли новоприбывшим понять и принять образ жизни, заданный Прогрессорами для общества, состоящего из выходцев из различных племен и народов? Как повлияет разница в мировоззрении и на тех, и на других? Удастся ли отцу Бонифацию его эпический замысел создать Писание Шестого Дня Творения? И поспособствует ли появление христианского священнослужителя возникновению в Племени Огня осмысленной духовной жизни?

© Михайловский А. Б., 2020

© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2020

Содержание

Часть 17. На далеком берегу	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Народ Великого духа

Часть 17. На далеком берегу

19 июня 2-го года Миссии. Утро. Вторник. «Отважный» на побережье Корнуолла.

Сергей Петрович проснулся ранним утром на узкой койке и первое, что он услышал, были слова супруги:

– Ты помнишь, какой сегодня день, милый? – спросила Ляля. Она сидела на противоположной койке и кормила грудью Петра Сергеевича, важного, как испанский гранд.

Минуту-другую в мозгах мужчины спросонья натужно скрипели шестеренки, задевая шариками за ролики, потом до него, наконец, дошло.

– Совсем я старый стал, Ляля, – извиняющимся тоном сказал он, – запомнил про годовщину нашей свадьбы. И подарка тебе никакого не приготовил, хотя должен был...

– А, ерунда, – отмахнулась молодая жена, – что значат какие-то там подарки, когда ты подарил мне новую жизнь. Теперь я леди Ляля, на меня с уважением смотрит даже такая зазнайка, как эта госпожа Гвендаллион... А ты помнишь, кем я была год назад? Вечно голодной детдомовской девчонкой Лариской Мышкиной, которой наша директриса Горилла Горилловна, да будет ей земля стекловатой, желала благополучно сдохнуть на помойке. Спасибо тебе, что вытащил меня из того кошмара и привел туда, где я сама стала хозяйкой своей судьбы. Как говорил один известный персонаж – «лучший мой подарок – это ты».

– Ляль, – неожиданно спросил Сергей Петрович, – скажи, а хотела бы ты когда-нибудь вернуться обратно – скажем, для того, чтобы что-то доказать или там отомстить?

– Э, нет, Петрович! – воскликнула Ляля. – Слова «доказать» или «отомстить» совсем не из этой сказки. Сама себе я уже все доказала, и на этом тема считается закрытой, а месть... это не мой метод. Я счастлива тем, что имею здесь и сейчас. Но... – она сделала паузу, – годовщина нашей свадьбы – это только наше с тобой личное дело. Помимо этого, сегодня ровно год с момента нашего общего благополучного прибытия на обетованные берега, а следовательно, годовщина начала того движения, что захватило Ланей, полуфриканок и еще превеликое множество народа, жизнь которого теперь тоже уже не будет прежней. Если бы не ты, Петрович, большинство людей, окружающих тебя, были бы сейчас давно и безнадежно мертвы, а остальные умерли бы в ближайшее время. Понимаешь?

– Понимаю, – с серьезным видом кивнул тот.

– Ничего ты не понимаешь, милый, – улыбнулась Ляля, – ты у нас получаешься самый настоящий Спаситель, спасающий людей самым фактом своего существования. Причем спасающий не только от самой смерти, но и от тьмы невежества. Но это опять же твое личное свойство, которое не подлежит обсуждению. Оно есть – и точка.

– Я не понимаю, Ляля, к чему ты клонишь? – Петрович сел на кровати и зевнул.

– Не понимает он... – вздохнула супруга оттого, что благоверный так недогадлив, – праздник сегодня у нас. Не какой-то там погодно-климатический: зима, весна, лето, осень, – а самый обыкновенный, памятная дата и годовщина великого свершения. Причем, в отличие от нашей свадьбы, это всеобщий праздник, он касается даже только что обращенных тобой кельтов. Ведь если бы не ты, они подергались бы еще немного на этом берегу и к зиме все как один неизбежно умерли бы от голода и холода. Бежать-то им отсюда было некуда... Так что вставай, милый, одевайся, пойдем найдем Виктора и отнесем народам благую весть о предстоящем сегодня

сабантуе! А этот касситерит от нас не убежит: местные знаешь как его шустро собирают, только успевай корзины таскать. Но ведь и им нужен отдых...

Тот же день, час спустя, временное становище клана Рохан.

Гвендалион, вдова Брендона ап Регана, временная глава клана Рохан.

Только что ко мне приходили Сергей ап Петр, леди Ляля и молодой воин Виктор. Они сообщили, что сегодня у их народа праздник, и поэтому в этот день следует не работать, а вкушать изысканные яства, петь и веселиться.

Тогда я с горечью ответила своему новому князю, что мы, конечно, были бы рады петь и веселиться, но изысканных яств у нас просто нет. запасы, взятые с собой из поместья, давно закончились, и теперь здесь, на этом бесплодном берегу, мы питаемся только морской рыбой, которую ловит Марвин-рыбак. И хоть эта рыба ужасно надоела нам, никакой другой еды у нас нет и не предвидится, поскольку единственный человек, который хоть что-то смыслит в охоте, Виллем-воин, стар хром и немощен, и пасущиеся на здешних пустошах¹ олени не подпускают его к себе на удар копыя.

Выслушав перевод моих речей из уст отца Бонифация и молодого воина Виктора, Сергей ап Петр не раскричался, не затопал ногами, а лишь сухо кивнул и сказал что-то леди Ляле на своем языке. Явно это было какое-то поручение, потому что та вручила свое дитя одной из темнокожих служанок-наложниц, после чего широко, по-мужски, зашагала в сторону их корабля. Я не устаю удивляться этой молодой женщине. Иногда она предстает самым воплощением нежности, женственности и материнской любви, а лик ее, склонившейся над сыном, подобен лику Мадонны, светло улыбающейся младенцу-Христу. А порой, вот как сейчас, она является воплощением собранности и деловитости, и ее жесткости может позавидовать даже такая опытная хозяйка как я.

Некоторое время спустя леди Ляля вернулась вместе со вторым молодым воином по имени Гуг. Этот молодой мужчина (именно мужчина, а не юноша, потому что у него имелась жена леди Люсия), в одной руке легко, как пруттик, нес свой рожон, а в другой у него имелось нечто вроде складной ручной баллисты. По крайней мере, на лук это изделие сумасшедшего ремесленника походило весьма отдаленно. Вторая такая штука была в руке у леди Ляли, а через плечо у нее висели тула² со стрелами и еще одна гром-палка – немного иного вида, чем та, которую носит Сергей ап Петр. Гуг отдал свой лук-баллисту своему товарищу Виктору и поудобнее перехватил свое великанское копьё, и после этого Сергей ап Петр отвесил мне изысканный поклон, сказав, что просит прощения за ту недоработку, когда члены моей фамилии, уже став его людьми, были вынуждены питаться одной рыбой. И хоть с овощами в начале лета у них еще не особо хорошо, а крупы – это вообще задача нескольких последующих лет, но свежее оленьё мясо на пропитание моим людям он гарантирует прямо сейчас. Для этого он просит послать с ними кого-нибудь из наших людей вместе с возом и упряжкой быков для перевозки добытого мяса.

Закончив переводить слова своего князя, молодой воин Виктор добавил от себя, что нам всем необычайно повезло, поскольку в мире нет лучшего сюзерена, чем Сергей ап Петр. И что нужно было сразу сказать ему, что у нашей фамилии проблема с едой – тогда мы уже два дня питались бы свежей жирной олениной. Этот человек настолько благороден, что сразу после окончания битвы начинает заботиться даже о семьях побежденных врагов – и потом, по прошествии недолгого времени, они непременно становятся его лучшими друзьями. Когда мы прибудем к их главному поселению, то сможем увидеть женщин из клана Волка, мужчины

---

¹ **Пустошь** – почвенно-географический термин, обозначающий участок открытой, незащищённой от ветра земли, с очень бедными почвами. Различают травянистые пустоши, лишайниковые, мховые и кустарниковые. В данном случае леди Гвендалион называет этим словом участок земли, непригодный для хозяйственной деятельности: пашни или сенокоса.

² **Тула** – колчан.

которого подверглись полному уничтожению за попытку нападения на людей народа Сергия ап Петра. Но когда закончилась битва, никто этих женщин не перебил, не подверг насилию и не обратил в рабство. Несмотря на то, что впереди была суровая местная зима, о них позаботились, выделили угол у огня и порцию хорошей еды – и теперь у князя Сергия ап Петра нет более преданных подданных, чем вчерашние Волчицы. А ведь у нас здесь даже не было битвы, и мы никогда не стояли в строю против строя его воинов – а потому его щедрое сердце будет делиться с нами не задумываясь. Ведь мы – все равно что сироты, которых следует подобрать, накормить и обогреть, а не подвергать насилию.

Закончив переводить речь Виктора, спевшего такой замечательный панегирик своему князю (значительно более многословный, чем его собственные слова), отец Бонифаций добавил, что будет счастлив бросать зерна истинной веры³ в почву, так тщательно вспаханную и унавоженную князем Сергием ап Петром. Тут не то что какое-то одно зерно принесет плод сторичный – нет, все благие слова-зерна полыхнут невиданным урожаем людей, обращенных лицом к добру и свету.

На эти его восторженные слова я сухо ответила, что сейчас меня больше волнует не обращение в истинную веру абстрактных дикарей, которых я пока знать не знаю, а только благополучие моей фамилии, в которую, наряду с прочими, входит и сам отец Бонифаций. А особо тяжело мне потому, что я сама не дала моему князю полного отчета о состоянии дел в клане Рохан. Побоялась показаться жалобщицей и заработала упрек за то, что держала моего господина в неведении. По форме слова князя были извинениями старшего (сюзерена и родителя, якобы не выполнившего свои обязанности) перед младшим, а по сути – эти слова князя все же прозвучали как настоящий упрек...

Я стояла и смотрела в спины уходящим на охоту: Сергию ап Петру, леди Ляле, молодым воинам Виктору и Гугу, собаке князя, сопровождавшей их, а также молодому Вогану, сыну Тревора-управляющего, который понукал двух запряженных в повозку быков. И от этой картины, впервые с момента смерти Брендона ап Регана, мое сердце наполнялось ощущением надежности моего существования и уверенности в завтрашнем дне. Теперь у нашей фамилии есть человек, который решит наши проблемы и лишь одним своим видом утихомирит ссоры, которые нет-нет да вспыхивают среди нас. Теперь я могу прекратить отчаянную и безнадежную войну за выживание, которой была занята все последнее время, и, подняв очи к небу, задуматься о своей судьбе. Скажу честно, мне все еще не хотелось иметь Сергия ап Петра как своего мужчину, мне было достаточно, что он, не требуя от меня ложиться к нему в постель, принялся решать проблемы клана Рохан... Но все же меня будто грыз изнутри какой-то червячок сомнения.

– Падре Бонифаций, – повернулась я к капеллану клана, – скажите, а как нам быть после того, как мы присоединимся к народу Сергия ап Петра? Я имею в виду их ужасный богомерзкий обычай иметь по несколько жен...

– Сергей ап Петр, – пожал тот плечами, – говорит, что не человек для субботы, а суббота для человека, и что есть время разбрасывать камни, а есть время их собирать. Я должен еще все увидеть своими глазами, но, как я уже понимаю, не ради необузданного распутства ввел князь Сергей такой обычай, а только во имя исполнения завета Господня – заселить добрым, работающим и счастливым народом пустующие земли Шестого Дня Творения. А от большого количества незамужних женщин, число которых в несколько раз превышает число взрослых мужчин, большого счастья не добиться – так-то, леди Гвендаллион. Не все же способны блюсти себя во вдовстве с такой идеальной стойкостью, как вы. Дрязги, скандалы, разгул и разврат –

---

³ Отец Бонифаций имеет в виду притчу о Сеятеле из Евангелия от Луки, в иносказательной форме повествующей о миссионерской проповеднической деятельности членов первой христианской общины, от дома к дому вишь разносивших благовест о первом пришествии Христа.

как мыслию, так и плотию. Нет, леди Гвендаллион. Из всех возможных зол Сергей ап Петр выбрал наименьшее, и еще уменьшил его своим мудрым руководством... Никто никого не принуждает, и если у мужчины уже есть жена или жены, то их согласия спрашивают в первую очередь...

– Так, значит, – воскликнула я, чувствуя, как румянец заливает мои щеки, – и я тоже...

– Только если будет на то ваша добрая воля, леди Гвендаллион, – поспешил ответить отец Бонифаций, – а также добрая воля той семьи, куда вы вознамеритесь войти. По крайней мере, так мне рассказывал молодой человек по имени Виктор, который перед отплытием в этот поход женился сразу на трех смуглых красотках. Все эти темнокожие матроски, как он сказал, являются законными женами участвующих в этом предприятии князя и двух воинов; и девушка, которой леди Ляля передавала юного господина, это не служанка, а ее подруга и еще одна жена Сергея ап Петра. Впрочем, я считаю, что пока преждевременно вести разговоры на эту тему. Вот когда у вас возникнет желание войти в какую-либо семью, тогда и приходите – чтобы я, как ваш духовник, дал самый обстоятельный совет. А пока мне и самому далеко не все ясно, леди Гвендаллион...

Возможно, я бы еще что-нибудь спросила, но тут за прибрежными холмами три раза ударил гром из гром-палки Сергея ап Петра. Чтобы пришлось применять это абсолютное оружие вот так, три раза подряд, неведомый враг должен был обладать поистине сокрушительной мощностью... Сердце у меня екнуло и подскочило под горло. Позже я убеждала себя, что испытывала такие сильные переживания оттого, что в случае если что-то случится с этим иноземным князем, спасение нашей фамилии может закончиться, так и не начавшись...

С тревогой мы наблюдали за ложбиной между двумя холмами, куда ушли охотники. Особенно волновалась моя дочь Шайлих, которая уже вбила себе в голову, что молодой воин Виктор непременно станет ее женихом... Каково же было наше облегчение, когда через некоторое время из-за холма показалась запряженная быками повозка Вогана, груженная какими-то тушами до самого верха. Рядом с ней шли своими ногами все четверо охотников... Радости нашей не было границ. Леди Ляля и Виктор были веселы, воин Гуг потрясал в воздухе своим копьем, больше похожим на оглоблю для повозки; и лишь Сергей ап Петр хранил обычное спокойствие. Быки тащили повозку с натугой, выбиваясь из сил; большие тяжелые колеса глубоко увязали в песке. Животные поминутно оборачивали головы назад и громко мычали, словно там, на повозке лежало нечто такое, что чрезвычайно смущало их ограниченный бычий ум.

Когда возвращающиеся приблизились, стало ясно, что это была не самая простая охота. Помимо двух оленей, которым предстояло пойти на пропитание нашей фамилии, в повозке громоздилась туша какого-то большого животного со шкурой серо-желтого цвета и оскаленной зубастой пастью, явно выдававшей свирепого хищника. Мне эта тварь показалась похожей на обыкновенную лесную рысь, только размером она была не с крупную собаку, а с небольшую лошадь. Зато Виллем-воин, в своих странствиях повидавший много всякого, сразу узнал зверя.

– Клянусь Спасением души, леди Гвендаллион, это же самый настоящий лев! – с восторгом и недоверием воскликнул он. – И какой большой! Наверное, поэтому даже гром-палка не смогла убить его с одного раза. Я видел похожего в зверинце у одного франкского князя, только тот был гораздо меньше...

– Тут все не так, как у нас дома, – сухо ответила я, – так что давайте прежде всего выслушаем историю, которую готовится поведать нам князь Сергей ап Петр...

Тот же день, вечер. временное становище клана Рохан.

отец Бонифаций, капеллан клана Рохан.

Чем больше капеллан клана Рохан наблюдал за князем Сергием ап Петром и его спутниками, тем интересней становилось ему это занятие. Колдуны? Да нет, как бы не так... Эта версия потерпела крах еще в самом начале. И дело не только в том, что чужеземный князь

и его спутники были со всех сторон обвешаны холодным железом, явно предпочитая этот металл остальным. Помимо этого, новый знакомый отца Бонифация, в отличие от обычного колдуна, озабоченного только собственным благополучием, не греб все под себя, а раздавал добро направо и налево – и оно каким-то удивительным путем возвращалось к нему сторицей. Он никому не угрожал, не пугал силой и властью, и в то же время люди подчинялись ему беспрекословно; и даже клан Рохан с первых же дней стал втягиваться в эту орбиту. Быть может, происходило это из-за того, что предъявляемые им требования были разумны и не подразумевали излишних притеснений, а может, тут играл роль его огромный авторитет... Впрочем, здесь, пожалуй, имели место сразу обе причины.

Вот, например, история со львом – о ней капеллану отчасти поведал бедняга Воган, который был ее свидетелем, а отчасти рассказал сам Сергей ап Петр. Почему Воган бедняга? А потому что парень перепугался так, что у него зуб на зуб не попадал. Сам же князь признал, что ожидал чего-то подобного: там, где пасутся дикие стада, часто ошиваются и крупные хищники, любители свежего мяса. Обычно эти твари охотятся на оленей стаями-фамилиями, состоящими из самца и нескольких подчиненных ему самок. Атакуя с разных направлений, самки выявляют в оленьем стаде самое слабое животное, загоняют его и убивают. И только потом вкушать положенную императорскую долю подойдет их супруг, господин и повелитель. Такая стая предпочтет не связываться с двуногими, больно тычущими острыми палками, а вместо того поищет добычу полегче... С людьми мало кто связывается – даже здесь, где оружие слабо, а хищники сильны.

В этот же раз все было не так. В засаде неподалеку от стада сидел старый самец, очевидно, изгнанный из своей стаи-фамилии молодым соперником. Не имея ни малейшей возможности без посторонней помощи поймать даже самого слабого оленя, старик нацелился на Вогана с его быками – они, должно быть, показались ему легкой добычей. Он напал в тот момент, когда леди Ляля и Виктор уже успели подстрелить по оленю из своих луков-баллист... Если бы не собака Сергия ап Петра, которая подняла тревогу, Воган, наверное, уже предстал бы перед престолом Бога-Отца (который, должно быть, в отсутствие Святого Петра сейчас лично отделяет агнцев от козлиц). Но даже несмотря на это, бедняге было не уцелеть. Когда собака истошно залаяла, сам князь сделал гром один раз, его супруга, леди Ляля, сделала гром два раза; а молодой воин Виктор пустил в эту тварь стрелу из лука-баллисты и успел обнажить свой длинный меч... И после этого молодой воин Гуг хладнокровно принял кинувшегося хищного зверя, уже получившего множество ран, на свой рожон⁴ – и тот издох в ужасных муках.

Одним словом, они защищали Вогана так, будто он был один из них; а ведь между тем тот являлся одним из самых бесполезных людей в клане Рохан. Сын рыбака становится рыбаком, сын гончара – гончаром, сын кузнеца – кузнецом, сын воина – воином, сын лорда – лордом. И только сын управляющего может стать управляющим только в том случае, если у него к этому делу есть определенные наклонности. А так как у Вогана таких наклонностей нет, то ему прямая дорога была в монастырь или в писцы при короле Думнонии. Больше нигде грамотным и не обремененным иными талантами места в этой жизни нет. Самое интересное в том, что Сергей ап Петр даже не понял смысл вопроса, заданного леди Гвендаллион. Защищали, потому что поступить иначе было нельзя. Живой ведь человек мог погибнуть, а не какая-нибудь скотина бесчувственная...

А потом, когда леди Гвендаллион стала долго и сбивчиво (особенно в тройном переводе) благодарить за спасение члена ее фамилии, он взял и подарил ей шкуру этого льва. При этом еще и извинился – что сейчас, мол, лето, и шкура не особо хороша, годится только на коврик у

---

⁴ **Рожон** – тяжелое копьё, упертое пяткой в землю и удерживаемое в наклонном положении, чтобы кинувшийся на охотника зверь сам насадил себя на острие. Лезть (идти) на рожон (разг.) – предпринимать заведомо рискованные действия, обремененные на неудачу и сулящие неприятности.

кровати; если зверя добывают ради настоящего меха, то делать это положено зимой. . . А сейчас необходимо готовить угощение, у нас же праздник, вы не забыли, любезная леди Гвендаллион?

А потом он с леди Лялей появлялся то тут то там. Вместе со своими людьми вкушал горячую, истекающую соком оленину, зажаренную на углях, а потом пел с ними длинные протяжные песни. Было заметно, что из присутствующих только леди Ляля происходит из того же народа, что и сам князь Сергей ап Петр, остальное же общество, окружающее княжескую чету, первоначально было сложено из самых разнородных частей. Но, несмотря на это, сейчас отец Бонифаций уже не взялся бы разделять его на отдельные составляющие. Эти люди были спаяны между собой накрепко – так, что не раздережешь на части. Такая общность – наилучший вариант для создания первой общины. При этом священника ужасно расстраивала необходимость общаться с князем и его людьми через двух переводчиков, но тут пока нечего нельзя было поделывать. Тем более что Виктор владел языком Сергия ап Петра даже менее чем посредственно, и в его изучении мог помочь слабо. Но тот, кто ставит себе цель (особенно если это упорный человек, как отец Бонифаций), своего добьется всегда. . . Капля за каплей камень точит; придет еще то время, когда он сам сможет обсудить с князем все животрепещущие вопросы бытия. А пока остается лишь наблюдать за происходящим в свете костров и делать далеко идущие выводы.

Вот темнокожие жены пришельцев водят свой дикий зажигательный хоровод вокруг костра, сложенного из цельных стволов плавника. . . А вот в этом хороводе уже кружат и дочь леди Гвендаллион Шайлих, и дочь Виллема-воина Фианна, и дочь Онгхуса-кузнеца, конопатая как рыжее солнце, Бриджит, а также дочь Корвина-плотника Эна. У двух последних только-только начали расти цыпки, но, несмотря на это, они отплясывают со всем возможным энтузиазмом. . . Сверкают босые пятки, летят по воздуху черные и рыжие волосы, распущенные для безумной пляски, ободрительно хлопают в ладоши мужчины и матроны пришельцев и клана Рохан. Жареное на углях сочное мясо после поднадоевшей рыбы делает людей дерзкими и раскованными.

И все знают, что завтра наступит новый день, снова надо будет собирать на морском берегу кристаллы оловянной руды, складывать их в корзины и таскать их на борт корабля с гордым названием «Фортис». От этой работы в клане Рохан освобождены только сама леди Гвендаллион, Виллем-воин и отец Бонифаций, а также супруга Виллема-воина Нара-повариха – в то время когда остальные работают, она варит им всем обед. Со стороны же пришельцев не заняты на работах только леди Люсия и леди Ляля – они занимаются тем, что сидят с детишками, причем не только своими, но и клана Рохан; и леди Гвендаллион в первый же день присоединилась к их компании. То, чем заняты леди пришельцев, не зазорно и для госпожи клана Рохан. И, кроме того, это отличная возможность взаимодействовать друг с другом без посредников. Пока общение идет на уровне «моя твоя не понимай», жестами и гримасами две молодые женщины (по понятиям двадцать первого века госпожа Гвендаллион довольно молода, ей всего тридцать пять лет) налаживают первый контакт и узнают друг друга.

19 июня 2-го года Миссии. Вечер. Вторник. Дом на Холме.

Ольга Слепцова.

Еще вчера, за общим ужином, Андрей Викторович от имени совета вождей объявил, что сегодня, девятнадцатого июня, у нас нерабочий день. Мол, ровно год назад наши вожди завершили свое эпическое путешествие на «Отважном» из Санкт-Петербурга сюда, на юг Франции, и как раз по этому поводу у нас будет праздник-сабантуй. Когда мой муж рассказывал обо всех деталях того предприятия, у меня всякий раз от ужаса волосы дыбом вставали. И в то же время его рассказы были мне несказанно интересны, ведь, кроме зимнего путешествия к клану Северных Оленей, я ни разу не покидала Большого Дома. Путешествие «Отважного» проходило по той части ледниковой Европы, которая максимально отличается от привычного нам

состояния природы. Великая река, вытекающая из Балтийского озера и впадающая в Бискайский залив... По правому борту коча громоздились бесконечные ледники, хранящие огромные запасы пресного льда, а с противоположной стороны простирались бескрайние травянистые просторы, где паслись стада северных оленей, овцебыков, первобытных лошадей и даже мамонтов. Я была зимой в замерзшей и чуть припорошенной снегом тундростепи, так что могу представить, какими великолепными эти места были в начале лета, когда прогретый солнцем воздух полнится ароматами цветущих трав (а также жужжанием комаров, мошки и прочего гнуса).

Маленький кораблик посреди безлюдного и бескрайнего великолепия первобытной природы... Позади него – мир Будущего, а впереди – Великая Цель. Да нет, цель их стала Великой только потом, когда относительно роскошная усадьба, спроектированная Сергеем Петровичем для себя и своих немногочисленных спутников, превратилась в тесную казарму, укрывающую в своем чреве зародыш нового народа. Да, это поселение, основанное русскими, вмещает в себя людей, которые в будущем станут отдельным народом. У живущих здесь уже есть свой, наполненный специфической терминологией, язык, свои обычаи и верования, своя материальная культура и достаточно высокий уровень развития. Теперь все зависит от того, сумеет ли Антон Игоревич запустить производство собственного металла. Доменная печь для выплавки чугуна и переделки его в сталь находится в процессе строительства, но при этом основное внимание пока уделяется будущему производству стекла. Сергей Петрович у нас максималист: он хочет, чтобы в его поселении в окнах непременно имелись стекла, а не пленки от мочевых пузырей различных животных. Наш главный шаман говорит, что стоит только начать урезать осетра, как появится риск остаться с маленькой плотвичкой в руках.

Нет уж, все следует сделать в максимальном соответствии с заранее сверстанными планами, качественно и в срок, и с этим мнением согласны большинство из нас. Да и как же тут быть несогласным, если именно нам и нашим детям жить в том новом прекрасном мире, который строит Сергей Петрович с прочими вождями нашего народа. Раньше это выражение, «вожди народа», казалось мне до предела утрированным и карикатурным. Какие могут быть вожди у народа, если люди устроены так, что каждый тянет одеяло на себя? Стоит кому-то попасть на самый верх – и он тут же забывает все красивые слова, отгораживается от народа стеной полицейских и делает не то, что нужно его избирателям, а то, что велит личный интерес и классовая солидарность с иными властью имущими. Но здесь все совсем не так. Вожди не отделяют себя от народа, не требуют себе особенных привилегий. Валера рассказывал, что прошлым летом случилось так, что темненькие полуафриканки все вместе понесли наказание за грех людоедства, а большая часть взрослых женщин-Ланей – за неблагодарность и попытку бунта. Образовался эдакий ГУЛАГ в миниатюре, который вожди использовали на особо тяжелых работах. Так вот, даже тогда все, – и вожди, и обычные члены племени, и те, что считались заключенными, – питались из одного котла и одинаково тяжело работали по шестнадцать часов в сутки ради будущего общего блага.

И вот оно – это благо, как вполне очевидная вещь... Ведь, несмотря на скученность и тесноту в Большом Доме, наше племя благополучно перенесло суровую местную зиму и теперь готовится расширяться дальше... Доказательством тому являются пищащие младенцы и еще большее количество молодых женщин с животами разной степени оттопыренности. Когда я училась в университете, нам говорили, что когда человеческое сообщество попадает в благоприятное положение, его неизбежно настигает взрывной рост численности. Но если верна прямая теорема, то верна и обратная. Отрицательный прирост численности коренных европейцев в конце двадцатого и начале двадцать первого века говорят о том, что состояние общества в те времена было крайне неблагоприятным, вплоть до угрозы вымирания. И вина за это лежит на тогдашних вождях всех без исключения народов. Так называемую объединенную Европу строил не какой-то конкретный Наполеон, Гитлер или Гельмут Кольт. Совсем нет. На самом

деле это плод коллективного творчества, и ее образ – это предмет согласия всех европейских элит. Но хватит об этом; я здесь, на своей новой родине, и вожди ее сто очков вперед дадут привычным нам политиканам, а та Европа осталась в двадцать первом веке, куда мне хода нет... да, впрочем, и не надо.

Итак, ради мечты об оконных стеклах Сергей Петрович и его товарищи уплыли на «Отважном» к далеким британским берегам, ибо только там возможно добыть необходимое для их создания рассыпное рудное олово. Мы же остались дома, в своих трудах и заботах. Мой муж Валера (точнее, уже Валерий Андреевич) еще после отъезда Сергея Петровича в поход за белой глиной, как его ученик и помощник, принял под свое руководство деревообделочную мастерскую. С раннего утра до позднего вечера жужжит пилорама, перерабатывая доставляемые с лесосеки стволы. Лето только началось, а во дворе мастерской под импровизированными навесами уже громоздятся штабеля досок и бруса. То же самое творится и на кирпичном заводе у Антона Игоревича. Штабеля, штабеля, штабеля... Кирпич сырцовый, кирпич обожженный, кирпич огнеупорный кварцевый, а с недавних пор, в качестве эксперимента, кирпич каолиновый.

В этом году нам предстоит возвести еще несколько домов, пригодных для того, чтобы в них жили большие семьи по несколько десятков человек. С этой целью Андрей Викторович уже расчистил просеку от Большого Дома к Дальнему ручью, на берегу которого планируется построить поселок пока в одну улицу, подальше от вредных производств. Маленькие комнатухи с трехъярусными кроватями, позволившими нам пережить эту зиму, уйдут в прошлое. И мы с Валерой, и Сергей-младший, и Гуг, и маленький Антон, и Роланд с Оливье, и прочие наши французские мальчишки, включая новичка Виктора, получают собственные дома, которые позволят им иметь столько жен и детей, сколько получится. А Большой Дом, оказавшийся не таким уж и большим, останется только жилищем главных вождей и административным центром.

Но не все согласны с этим решением. Антон Игоревич, хоть и тоже главный вождь, просит построить ему маленький домик «на две жены» где-нибудь поближе к производству, чтобы не бить зря ноги. И в то же время Марина Витальевна как фельдшер должна находиться в новом поселке – там же, где будут жить ее потенциальные пациенты. Но у самой у нее свое мнение. Она говорит, что оказывать медицинскую помощь по месту жительства сможет и ее помощница Люся. А уж она сама будет находиться возле того места, где пилят бревна, таскают тяжести, обжигают глину, варят стекло и плавят металл – то есть там, где в предыдущий год члены племени Огня получили девяносто процентов своих мелких травм. А за то, что никто не покалечился по-крупному, следует благодарить Великого Духа и Сергея Петровича, который по-шамански обвешал все нарушения техники безопасности огромным количеством табу. Это подействовало даже на наших обуянных духом противоречия французских школьников из двадцать первого века. Что-то не находится среди них желающих смело сунуть пальцы в оголенные контакты распределительного щита или под бешено вращающуюся фрезу лесопильного станка. Дураков среди них немає, как говорит Марина Витальевна.

Кстати, о Люси д'Аркур, которую никто уже не называет Люськой, а именуют не иначе как Людмилой Марковной – это если официально; а если по-свойски, то Люсенкой. Она у нас – одно из главных чудес года. Выпускайся у нас журнал «Тайм» – быть ее портрету на обложке. Перековать завязтую стерву и мерзавку в полезного члена общества – это еще надо суметь, а уж «Сказ о том, как Люся выходила замуж» и вовсе достоин отдельного романа. Или, быть может, завязтой стервой и мерзавкой ее сделало, как любит выражаться Андрей Викторович, «буржуазное общество наживы и чистогана», а здесь, при первобытном коммунизме Сергея Петровича, вся эта шелуха и короста полезла с Люси ключьями, обнажая душу честного и ответственного человека. Так что она у нас теперь на передовой – плавает вместе с Сергеем Петровичем то за каолиновой белой глиной, то за оловянной рудой (Марине-то Витальевне не

до того, да и возраст). Кстати, если в прошлой жизни мы с Люсей друг друга едва замечали, то теперь приятельствуем. Я с нетерпением жду ее из очередного путешествия, чтобы на дикой смеси русского и французского языков выслушать впечатления о далекой стране вечных туманов.

И, кстати, праздник без главных заводил (я имею в виду Сергея Петровича и диджея Сергея-младшего), не особенно удался. Праздничный обед был на высоте, а вот Андрею Викторовичу не удалось так завести народ, как это получалось у главного шамана племени. Не было некой искры – и из-за этого веселье выглядело натужно. Ну попели французских и русских песен, ну поплясали у костра (на который Валера не пожалел горбыля и бракованных бревен), поели жареного над углями мяса и рыбы (совершенно не дефицит), дополненных местными салатами из дикоросов – и разошлись, так и не поняв, на черта он нужен был, этот праздник. Важность благополучного завершения того путешествия осознавалась разумом, а не сердцем.

И это, кстати, тревожный звонок. Сергей Петрович мало того что оказался человеком, который за счет своих средств профинансировал эту экспедицию, заняв в ней должности капитана корабля и главного инженера; в дополнение к этому выяснилось, что он и есть та единственная личность, что скрепляет наше разнородное общество в единое целое. А так нельзя. Если с нашим незаменимым главным шаманом что-нибудь случится, то через некоторое время, несмотря на все успехи на материальной ниве, мы можем утратить единство, погрязнуть в дрызгах и неизбежно погибнуть. Ведь поодиночке мы никак не сможем противостоять этому жестокому миру, безжалостному к слабым и беззащитным. И тогда – прощайте, мои мечты о счастливом будущем и построении великой цивилизации. А мне этого очень не хочется... Надо для начала поговорить на эту тему с моим Валерой (ведь он знал Сергея Петровича еще до похода в прошлое), а потом идти с этим на совет вождей. Угроза-то нешуточная...

22 июня 2-го года Миссии. Утро. Пятница. «Отважный» на побережье Корнуолла.

Приняв в трюм полный груз оловянной руды, «Отважный» собирался в обратный путь. Помимо груза и первоначальной команды, на его борт поднялись некоторые члены клана Рохан. В первую очередь к новому месту жительства отправлялись дети до четырнадцати лет, неспособные приносить пользу на сборе кристаллов касситерита, отец Бонифаций, а также семейство леди Гвендаллион. Старшим в клане Рохан оставили Виллема-воина, которому вменялось контролировать Тревога-управляющего. А чтобы остающиеся на пустынном берегу рядовые члены клана Рохан не думали, что их бросают, с ними для руководства процессом сбора касситерита остались Гуг, Люси и три полуафриканских жены Гуга: Тиэлэ-Тина, Каэрэ-Кася и Суэрэ-Инна. Ярκο-рыжий веснушчатый Гуг казался кельтам почти своим, да и пользы от его практической сметки и деловитости было гораздо больше, чем от важного вида Виктора де Леграна.

И если самой матроне и ее дочери Шайлих предстояло путешествовать на общих основаниях, имея в каюте одну койку на двоих, то Эмрис сидел в закутке, прежде предназначавшемся для собак, а позже использовавшемся для перевозки к Северным Оленям Марины Жебровской. Не самые удобные апартаменты, особенно если учесть, что на голову бедняги была натянута особая кожаная шапка, которая плотно закрывала глаза и уши, оставляя открытым только рот, чтобы он имел возможность дышать и принимать пищу и питье. Поскольку предполагалось, что отпрыск лорда просидит в этом заточении все пять дней, пока «Отважный» совершает путешествие из Корнуолла к пристани у Большого Дома, Корвин-плотник изготовил для него специальное сиденье с дыркой, под которым крепилась довольно объемистая деревянная кадушка. С учетом скудного покаянного рациона кающегося грешника и шестидневного подготовительного поста, полностью очистившего кишечник юноши, емкости этой кадушки должно было хватить до конца путешествия.

Помимо прочих грузов, Сергей Петрович отчаянно хотел прихватить на племя хоть одного быка клана Рохан: все же это какая-никакая культурная порода, которая позволит начинать селекцию крупного рогатого скота не на пустом месте. Но из-за ограниченных размеров люка опустить скотину в трюм оказалось невозможно, а находясь на палубе, бычья туша мешала бы перебрасывать гик бизань-мачты с одного борта на другой при перемене галса. Малость поразмыслив, бессменный капитан «Отважного» решил перед следующим рейсом демонтировать бизань и сходить до Корнуолла только под грот-мачтой и мотором. Если случится такая необходимость (например, в случае поломки мотора), до дома можно дотянуть и на шестидесяти процентах от полной парусности. Правда, если разыграется хоть сколь-нибудь серьезный шторм, то от скота на палубе придется избавляться, сбрасывая его за борт; но этот риск надо признать неизбежным, так как другого способа доставки быков к Большому Дому просто не существует.

И вот все предварительные приготовления завершены, сходни убраны, отбывающие заняли свои места, а провожающие машут им с берега руками и головными уборами. Подступающий прилив приподнимает кораблик, и полуафриканки наваливаются на шесты, отталкивая его от берега и одновременно разворачивая носом в открытое море. Обратный рейс к пристани у Большого Дома с грузом касситерита начался. Госпожа Гвендаллион стоит у правого борта, обращенного к берегу, и в волнении кусает губы. С берега ей машут оставшиеся на хозяйстве Виллем-воин и Тревор-управляющий, но на душе у госпожи клана Рохан беспокойно, хотя она старается не подавать виду. Впрочем, там беспокойно последние десять лет, после того как ее муж пал в бою и оставил фамилию без твердой мужской руки.

Совсем по-иному настроен отец Бонифаций. Оставляя позади прошлое, к которому уже нет возврата, он всей душой стремится вперед, к новым открытиям и новым свершениям. Ведь он действительно очень хороший священник, верящий в то, что он проповедует, и в то же время осознающий, что мир устроен Творцом значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд. А еще он умен и никогда не выскажет своего мнения, прежде чем досконально не разберется в сути вопроса. Впереди его ждет титанический труд по окормлению нового народа и созданию нового Писания для нового мира.

Тогда же и там же, отправляющийся в плавание «Отважный».

Гвендаллион, вдова Брендона ап Регана, временная глава клана Рохан.

Моя фамилия остается здесь, а сама я уплываю неведомо куда: быть может, и взаправду в самую настоящую страну колдунов. Да и прежде мы, думнонии, спасаясь от неумолимого саксонского прилива⁵, переселялись за море в страну Арморику (нынешняя Бретань). Но то было совсем другое дело, то были известные нам земли, где жил родственный нам народ и о которых было хорошо известно по рассказам путешественников и купцов. Но тут, за морем, нас ожидает неизвестность, новая страна, о которой мы знаем только по рассказам нашего нового друга Виктора. Там главный воин ездит на рычащем чудовище, там прирученная молния светит в ночи на целые мили, а люди все как один говорят на неизвестном нам языке, который мне еще предстоит выучить, чтобы не быть глухой и немой в стране слышащих и говорящих.

Мое необузданное кельтское воображение показывает мне воистину ужасную картину. Я представляю себе, что оставшиеся на берегу Гуг, леди Люсия, а также три их темненькие спутницы неожиданно оборачиваются морскими птицами, двумя белыми и тремя черными, и, с криками поднявшись ввысь, летят вослед уплывшему кораблю, оставив обреченных членов клана Рохан ждать смерти, не имея ни твердого руководства, ни последнего утешения верой... Я не знаю, почему согласилась на эту авантюру – видимо, Сергей ап Петр был очень убедите-

---

⁵ Саксонский прилив – так поэтически кельты Британии называли натиск англо-саксов, ютов и данов, в эпоху Великого Переселения Народов приплывавших на их земли из-за моря на длинных и узких военных ладьях.

лен; и вот берег с родными мне людьми скоро исчезнет в туманной дали. Но в этой печали я не одна. Вместе со мной родных им людей покидают дети клана Рохан, причем не только те, которые не доросли еще головой даже до плеча взрослого, но и почти зрелые девочки, которые так лихо отплясывали на празднике вместе с темненькими молоденькими женами пришельцев. Я попыталась возразить против их отъезда, но получила моментальный отпор.

– Не положено, – сурово сдвинув брови, сказал князь Сергей ап Петр, и эти слова были понятны даже без перевода, – эти девочки – будущее клана Рохан и всего нашего народа, и таскать тяжелые корзины на промозглом морском ветру – не лучший способ сохранить их здоровье...

Потом он через Виктора о чем-то переговорил с капелланом. Тот говорил на латыни, не переводя свои слова и слова чужеземного князя на язык думнониев. И наконец они пришли к определенному согласию – и отец Бонифаций посмотрел в мою сторону.

– Дочь моя, – нараспев произнес он, – князь Сергей ап Петр сказал, что, поскольку ты добрая христианка, то он не будет проводить над тобой шаманский обряд временного усыновления детей, порученных твоему попечению, как он сделал бы с любой из местных женщин. Но нечто подобное именем Бога-Отца проделать с тобой могу уже я. Поклянись же спасением своей души, что до тех пор, пока их матери не воссоединятся со своими чадами и не смогут снова исполнять свои родительские обязанности, ты будешь относиться к врученным тебе детям не только как госпожа клана, но и как их родная мать. Ты ответственна за них как за собственных детей и даже больше, ибо и дано тебе от рождения больше, чем их матерям. Клянись в том, что ты не будешь пренебрегать этими детьми, не обделишь их ни своей любовью, ни лаской, ни добрыми наставлениями по жизни, ведь они часть твоей фамилии, а значит, часть тебя самой!

И тут я поняла, кого мне напомнил князь Сергей ап Петр. Не покойного мужа, на которого он походил весьма мало и обликом и поведением, а моего отца Тристана ап Эмриса из клана Логан. У того всегда находилось доброе слово и хороший совет для всех членов большой фамилии, а смерды в окружавших наше поместье деревнях не уставали славить доброго господина.

– Хорошо, падре, – сказала я и тут же со всей серьезностью принесла требуемую клятву.

И вот сейчас, положив руки на плечи семилетней Дженнифер, дочери Альбина-гончара, и восьмилетней Уне, дочери Марвина-рыбака, я вдруг почувствовала, что эти девочки, которым тоже страшно расставаться с родными и отправляться в далекую и неизвестную страну, вдруг стали мне такими близкими и родными, почти как мои собственные дети. Другие девочки, постарше: дочь Тревора-управляющего Авалон, дочь Онгхуса-кузнеца Бриджит, дочь Корвина-плотника Эна, а также дочь Виллема-воина Фианна и моя дочь Шайлих, – стояли у меня по бокам и также смотрели на то, как берег, который только что был впереди, теперь оказывается позади. Я чувствовала, что, несмотря на разницу происхождения, все мы теперь одно целое, и это чувство наполняло меня непонятным трепетом.

В этот момент разворот корабля завершился, и нос его теперь смотрел прямо от берега; под палубой снова ожил тот урчащий зверь, голос которого мы слышали в тот день, когда судно Сергия ап Петра только прибыло к Берегу Нерожденных Душ. Босыми ногами (обувь даже у леди была только для холодного времени года) мы ощутили мелкую дрожь деревянных досок под ногами, отчего девочки вокруг меня испуганно завизжали. Потом Сергей ап Петр передвинул какой-то жезл, звук урчания изменился, а корабль сам, без гребцов и парусов, быстро поплыл в открытое море. Обернувшись назад, я увидела полосу вспененной воды, тянущуюся позади нас, а посмотрев на нашего нового князя, убедилась, что вид у него спокойный и даже скучающий, он уверенно держался руками за колесо с ручками, не демонстрируя особого волнения – а значит, и нам не нужно ничего бояться. Увидев, что я смотрю в его сторону, он

ободряюще кивнул и что-то сказал на своем языке. Этот кивок окончательно вселил в меня уверенность, что все идет так, как надо.

– Прекратите визжать, девочки, и позорить клан Рохан! – сказала я своим временным дочерям. – Берите пример с местных – они не видят в этом рычании ничего опасного, как и мы с отцом Бонифацем. Ведите себя скромно и с достоинством, не заставляйте князя Сергия ап Петра пожалеть о том, что он вообще взял вас с собой, ведь даже темнокожие дикарки смотрят на вас с осуждением.

Пару часов спустя, открытое море, коч «Отважный», курс юго-юго-восток, скорость семь узлов.

отец Бонифаций, капеллан клана Рохан.

Для отца Бонифация это путешествие из безвременья Берега Нерожденных Душ оказалось не только величайшим испытанием в жизни, но и величайшей возможностью постигнуть замысел Творца. А чтобы использовать эту возможность надлежащим образом, он присоединился к урокам языка, которые леди Ляля давала леди Гвендаллион, обнаружив гораздо больше способностей к обучению, чем госпожа клана Рохан. Учить язык лучше у того, кто знает его с детства, а не у того, кто сам за пару месяцев нахватался верхов и по большому счету сам нуждается в переводчике.

Вот и сейчас священник стоял на палубе и старательно наблюдал за тем, что происходит вокруг, жалея, что не понимает смысла произносимых слов. Впрочем, Сергей ап Петр не отличался особым многословием, да и его команда не требовала длинных объяснений. Когда задул подходящий ветер, темнокожие девки ловко развернули паруса (священник даже удивился тому, как просто это было сделать), рычание зверя под палубой стихло – и корабль, почти не снижая скорости, ходко заскользил по глади вод под одними парусами. Потом князь Сергей ап Петр уступил место у колеса с ручками одной из своих темных жен по имени Алуанна, но сам при этом никуда не ушел, а, подняв к глазам странный прибор из двух соединенных между собой цилиндров, принялся смотреть через него на горизонт.

Вопросы распирали священника так, что казалось, голова его сейчас лопнет от возникшего внутри давления. А ведь путешествие только началось... Но тут, к его счастью, поблизости оказался Виктор, который смог удовлетворить хотя бы часть его любопытства.

[Тогда де и там же.

Виктор де Легран, французский дворянин 16-ти лет от роду, год рождения 1777-й]

За последние полтора месяца я уже успел более-менее изучить общество, членом которого оказался волею судьбы. Хотя, по правде говоря, общество, созданное русскими выходцами из двадцать первого века, далеко не худший вариант. Я ведь мог умереть на революционной гильотине или до конца дней влачить жалкое существование в племени дикарей. Здесь же я сыт, одет и обут во все новое. И пусть эти вещи грубой местной выделки, но они прочны, добротны и практичны. Никакого сравнения с вонючими шкурами дикарей. Помимо того, поскольку я грамотен и обладаю широким кругозором вкуче со многими полезными навыками, моя особа оказалась приближенной к русским вождям, что сулит мне дальнейшие перспективы.

Правда, с предложением обучать русских искусству фехтования вышла незадача. Отставной русский офицер господин Андре скептически посмотрел в мою сторону и предложил учебную схватку, где я буду вооружен шпагой и кинжалом, как и положено дворянину, а он будет иметь в распоряжении большой и малый нож. Эта схватка (правда, без свидетелей) состоялась перед самым нашим отъездом и принесла мне величайшее разочарование. Несмотря на то, что мое оружие было почти в два раза длиннее, чем у господина Андре, я почувствовал себя

несчастливым мышонком, с которым играет старый опытный кот. Хорошо, что этого не видел никто из посторонних. Теперь я верю в бытующие здесь рассказы, что год назад этот человек лишь при небольшой помощи месье Гуга и огневой поддержке со стороны остальных вождей лично зарезал больше десятка кровожадных дикарей, которые ничего не смогли с ним поделаться своими дубинами. А потом, как это и диктуют традиции, он там же, на поле боя, произвел своего помощника в дворяне, торжественно вручив ему кривой меч вместо мужицкого топора.

Зато востребованным оказалось мое умение обращаться с лошадьми. Я хоть не конюх, но каждый дворянин, находясь в походе, должен уметь обиходить своего четвероногого боевого товарища. И хоть лошади у русских первобытные, – широкой, крепкой конституции, с короткими ногами, – все равно это благородные лошади, а не какие-нибудь тупые мужицкие ослы. Так что место главного коневода – мое. А то понабежали к табуну разные особы женского пола со своими нежностями. А в этом походе выяснилось и то, что не зря я с детства зубрил латынь под надзором духовника нашей семьи старого доброго пастора Эугенио, который, несмотря на всю свою доброту, беспощадно сек меня мочеными розгами по заднице за ошибки в склонениях и спряжениях. Вбитых в меня знаний оказалось достаточно для того, чтобы я смог вступить в разговор с британским священником из начала седьмого века от Рождества Христова. Подумать только – когда мы находились в своих родных мирах, нас разделяло почти тысяча двести лет! За это время изменилось все: государства, народы, языки; и только древняя латынь, которая была мертвым языком уже в те далекие времена⁶, смогла наладить между нами нить взаимопонимания.

Мне падре Бонифаций ничуть не напоминал католических священников из нашего просвещенного века. Лучшие из них отправились за океан проповедовать дикарям, а на то, что осталось, и глаза бы мои не глядели. Стоило подуть ветру перемен – и только отдельные из них оказали сопротивление революционерам, а остальные либо бежали, либо покорились узурпаторам. Падре Бонифаций оказался священником совсем другой породы. Видно, что в нем яростным пламенем горит огонь Веры, и притушить это пламя не способны никакие обстоятельства, включая попадание в те времена, до рождения Девы Марии и младенца Иисуса, когда Творец единолично правит на небесах, не нуждаясь в помощниках. Человечество вельми еще невелико и неразумно, и пищит как новорожденное дитя в люльке.

Нельзя сказать, что я часто вступал в разговоры с падре Бонифацием; мы с ним все же были из разных веков. В начале седьмого века христианская церковь была единой, не делящейся на ортодоксальную и католическую, а уж о протестантских сектах никто и слыхом не слыхивал. История же кельтов меня интересовала мало; я знал, что эти люди проиграли свою войну с саксами и либо умерли, либо безвозвратно слились с победителями – и мне этого было достаточно. У нас во Франции было так же. Дворяне – это потомки франков-победителей, а простонародье происходит от побежденных галлов. История жестокая штука: если ты ослаб, то покорись тому, кто сильнее. Русские вожди нашего племени тоже сумеют без остатка переварить этих людей, так что уже через одно или два поколения их потомки и думать забудут о том, что когда-то их предки были думнониями из какого-то там клана Рохан.

Конечно, я заметил, что в меня по уши втрескалась знатная кельтская девушка по имени Шайлих. Девушка хоть и крайне молода, но достаточно хороша собой, и в то же время мила и ненавязчива. К тому же она дочь лорда, а не какого-нибудь поселянина, что делает ее вполне подходящей кандидатурой в мои жены. Мы даже перебросились парой слов при посредстве того же падре Бонифация. Я задал прямой вопрос и в ответ получил скромный, но вполне определенный ответ. Вот бы сделать ее своей старшей женой вместо одной из двух моих соотечественниц, которые так и совали мне в нос своим женским естеством... Естество я нашел в

---

⁶ Виктор Легран ошибается. В начале седьмого века латынь являлась государственным языком Византийской империи, да и Рим не обратился еще окончательно в руины, а следовательно, латинский язык был еще вполне жив.

другом месте, а их оставил не солоно хлебавши. Правда, о том, чтобы взять Шайлих в жены и о ее будущем статусе нужно говорить не с мужчинами, а с госпожой Мариной, так что это дело откладывается до возвращения к главному поселению, когда мы сможем заявить, что желаем вступить в брак по взаимному согласию. Моим темненьким женам новая кандидатка тоже понравилась и они сказали, что согласны взять ее в свою компанию и окружить всяческой заботой...

А кстати, они у меня тут же, на вахте. Мадам Алитина стоит впередсмотрящей на носу, а мадам Салитина и малышка Зася дряют палубу, зачерпывая за бортом морскую воду деревянным ведром. Я не то чтобы надзираю за своими женами (они молодцы и делают все тщательно, не нуждаясь в понуканиях) – я их, как говорят русские, морально поддерживаю, а еще люблюсь на их стройные фигуры, пока они не понесли от меня первых детишек. Тут это просто: раз-два и готово. Вот об этих моих темных женах и задал свой первый вопрос падре Бонифаций, когда подошел ко мне, увидев, что я прохлаждаюсь без дела.

– Мой добрый друг Виктор, – издалека вкрадчиво начал он, – скажите, а почему все матросы на вашем корабле имеют кожу темного цвета? Я понимаю, что мужчин в эти времена не хватает, ведь они очень часто гибнут на войне и на охоте, но все равно, насколько я понимаю, в принявшем вас племени есть и белокожие дикарки...

– Знаете что, падре, – ответил я, – начать разговор следует с того, что в нашем племени нет дикарей и дикарок. У нас есть цивилизованные люди и те, кто стремятся таковыми стать; все дикари у нас снаружи, за пределом того круга, который называется «свой». И это было первым, что мне объяснили, когда я попал в общество созданное русскими вождями. Тут все, как когда-то сказал Христос: что нет ни эллина, ни иудея, и все между собой изначально равны: и темные, и светлые, и русские, и французы, прибывшие из двадцать первого века, и я, несчастный французский дворянин, попавший в этот Каменный век к началу начал из века восемнадцатого. У людей тут различаются только способности и заслуги. Лично я по итогам своей деятельности надеюсь быть оцененным достаточно высоко.

– Да, – кивнул отец Бонифаций, – я уже знаю, что князь Сергей ап Петр очень хороший христианин и создал почти идеальную общину, правда, пока не называя ее христианской. Но сейчас речь не о нем, а о ваших темнокожих спутниках, которые исполняют на этом корабле обязанности матросов...

– Дело в том, – сказал я, – что я сам знаю о них очень мало, так как являюсь членом этого племени совсем недавно. Госпожа Люсия, ну вы ее знаете, говорит, что эта народность приплыла в эти края на лодках прямо из самой Африки, минуя обычный путь распространения человеческих народов через Константинополь и Балканы. Они ловкие охотники на морского зверя и опытные морские путешественники, которые впали в грех людоедства, когда популяции тюленей и морской птицы на доступных им берегах пришли к истощению. У них даже нормальных копий не было, одни только дубины, поэтому люди показались им такой же доступной добычей, как и тюлени. Тогда соседи объединились и выгнали их из тех мест, где темнокожее племя обитало прежде, и оно стало странствовать, достранствовавшись до встречи с только что прибывшими из двадцать первого века русскими вождями. Перебив всех мужчин-людоедов, русские предложили несчастным темнокожим женщинам либо пройти тяжелый обряд очищения от скверны, либо остаться связанными, на произвол судьбы и хищных зверей. Говорят, что отказавшихся от очищения не было вовсе. Именно тогда из разнородных частей на свет появилось племя Огня, представителей которого вы видите сейчас перед собой. Так вот, когда вождь Петрович весной этого года стал снова собираться в плавание, выяснилось, что наших местных светлых жен, стоит им попасть на палубу плывущего корабля, начинает преследовать морская болезнь, а вот темные женщины, чьи предки проводили в лодках большую часть жизни, оказались прекрасными матросами, всегда бодрыми, сильными и готовыми сражаться с любым штормом... Посмотрите на мадам Алуанну, которая стоит сейчас на штурвале. Это не только

старшая темная жена нашего вождя и просто красивая женщина, но еще и опытный моряк, а также авторитетный помощник капитана, которого все прочие темнокожие жены-матросы слушаются просто безукоризненно. Именно поэтому на ее бедре висит короткий меч, который указывает на то, что эта женщина вождя пригодна не только для постели, но еще и для многих великих дел. Надеюсь, падре Бонифаций, я достаточно подробно ответил на ваш вопрос?

– О, да, мой добрый друг Виктор, – сказал он, – вы были достаточно обстоятельны и дали моему уму достаточно пищи для размышлений. Это путешествие становится все более и более интересным... А теперь позвольте вас оставить, мне нужно немного подумать.

25 июня 2-го года Миссии. Вечер. Понедельник. Устье Гаронны, коч «Отважный».

Гвендаллион, вдова Брендона ап Регана, временная глава клана Рохан.

Три дня и две ночи продолжалось наше плавание по бескрайним морским просторам. Все же мы, бритты, в отличие от саксов или ютов, совсем не морские люди и тяжело переносим качку и прочие безобразия морского путешествия. Правда, за эти дни не было ни шторма, ни даже сколь-нибудь ненастной погоды, поэтому корабль, поймав парусами ровный умеренно свежий ветер, стремительно резал волну своим острым носом. Все, включая князя Сергия ап Петра, были довольны таким обстоятельством и наслаждались путешествием. Я много раз видела, как он стоял за этим колесом с ручками, называемым штурвалом, и наслаждался ветром, морем и ощущением послушного его рукам корабля. И только нас, думнониев, за исключением отца Бонифация, от качки мутило так, что мы почти не могли есть.

Особенно страдала во время этого путешествия дочь Виллема-воина Фианна. То есть она страдала не только от качки, но и от того, что слышала, как страдает в своем заточении мой сын Эмрис – его стоны и молитвы к Господу доносились из маленькой комнатки на корме корабля, иначе еще называемой «собачьим ящиком». Между прочим, как раз под этим местом расположено обиталище того зверя, который своим рычанием движет корабль, когда этого нельзя делать при помощи ветра. И в те моменты, когда этот ужас просыпается по приказу князя Сергия ап Петра, моему сыну приходится хуже всего, потому что тогда к качке добавляется мелкая противная дрожь во всем теле.

Я уже обращалась по этому поводу к отцу Бонифацию, прося смягчить участь моего ребенка, но тот только строго посмотрел в мою сторону и сказал, что этими мучениями мой сын искупает то, что я, как мать, не смогла дать ему правильного воспитания. Что этот мир крайне суров к избалованным засранцам, и если прямо сейчас не преподать Эмрису надлежащих жизненных уроков, судьба его будет печальной. Князь Сергей ап Петр суров, но справедлив, добавил он, и если мой сын сумеет перенести выпавшие на его долю испытания, в дальнейшем никто и не вспомнит, что он когда-то грешил мыслию и только чудо не позволило ему перейти от слов к делу.

Но теперь, хотя испытания Эмриса продолжаются, наши страдания почти закончились. Вечером, когда солнце только начало клониться к закату, корабль вошел в устье большой реки и повернул к ее левому берегу – там, за длинным песчаным мысом, пряталась уютная бухточка, а рядом с ней уютно расположились несколько плетеных из прутьев домиков, напомнивших мне пчелиные улья. Оказалось, что причалить с внешней стороны мыса невозможно. Как сказал Виктор отцу Бонифацию, там в берег бьют длинные тяжелые волны, хорошо разогнавшиеся на морском просторе, и любой корабль, который попытается причалить с той стороны, выбросит на сушу либо разобьет в щепки. И в самом деле, даже издали, со стороны моря, эти длинные пенные волны, похожие на ряды воинов, идущих на штурм укрепленного лагеря, внушали почтение и определенное опасение, а тут, в бухте, под прикрытием песчаной косы, было тихо и уютно.

Не успел наш корабль подойти к берегу, как навстречу высыпали встречающие. Возглавлял их молодой воин – по внешнему виду такой же, как и Виктор с Гугом. Невысокого роста, широкоплечий и светловолосый, он напоминал типичного сакса... Но я успокоила себя, что саксов в этих краях нет и быть не может. Помимо воина, на берег вышла его старшая жена с маленьким ребенком на руках и десятка два молодых белокожих дикарок, которых уж точно нельзя было спутать ни с одним из известных мне народов. И хоть женщина с ребенком была одета почти так же, как леди Ляля и леди Люсия, посмотрев ей в лицо, и решила, что не буду торопиться называть ее леди. Быть может, потом, когда она станет соответствовать своему месту в обществе, но не сейчас...

Когда корабль мягко ткнулся носом в песчаный берег и с его борта опустились сходни, Сергей ап Петр объявил, что стоянка продлится до завтрашнего утра, а стало быть, всех, кто желает размять ноги на твердой земле, просят сойти на берег. А берег тут был далеко – не чета берегу Нерожденных Душ в Корнуолле. Здесь не было никаких пустошей, пронизывающего холодного ветра, песка, вечно скрипящего на зубах, и прочих мерзостей. Тут все напоминало привычный мир: деревья, кусты и пышная трава по кромке берега. И солнце тут светило гораздо ласковее... Одним словом, все было более чем хорошо.

Но когда я попыталась сойти на берег по сходням, у меня закружилась голова и я осталась в растерянности, ожидая, когда пройдет приступ внезапной слабости. И тут... сильная мужская рука взяла меня за локоть, придав уверенности, которая и помогла мне сделать несколько шагов, необходимых, чтобы сойти на твердую землю. Конечно же, это был сам князь Сергей ап Петр, собственной персоной, и леди Ляля смотрела на своего мужа с одобряющим видом, словно считала, что он все сделал правильно и его не за что осуждать...

А потом я вспомнила, о чем через падре Бонифация рассказывал Виктор. Тут так принято, что если мужчина оказывает знаки внимания другой женщине, а его жена при этом не ревнует, то это значит, что эта посторонняя женщина на самом деле никакая не посторонняя, а просто еще одна будущая жена, но только об этом пока не объявили вслух. И тут я испугалась. Неужели чувства, которые я старательно таила и таю внутри себя, так очевидны окружающему миру, что их замечает даже главная жена предмета моей тайной влюбленности? Стыдно какой... Да я и сама-то себе стыжусь признаться в том, что князь Сергей ап Петр все больше и больше занимает мои мысли, что я как можно больше времени стремлюсь находиться подле этого человека, видеть его, слышать голос, пусть даже не понимая слов. Я нормальная женщина, которая хочет сердечной привязанности, тепла домашнего очага, уюта и мужской ласки. А еще я хочу детей в доме, топота маленьких ног и того, чтобы эти дети не выросли конченными засранцами, как мой сынок Эмрис.

Пока я, краснея, переживала все эти чувства, надеясь, что никто ничего не понял, следом за нами на берег сошел Виктор, который галантно, кончиками пальцев, вел за собой раскрасневшихся Шайлих и ее подружку Фианну. При этом все цветы в округе в его глазах цвели только для Шайлих, а Фианне он помог только потому, что нельзя оказать услугу одной из подружек и не оказать ее другой. Остальные девицы, происхождением попроще и возрастом помоложе, возбужденно разговаривая и оглядываясь по сторонам, ссыпались на берег сами.

Но тут началось нечто непотребное и невероятное... Леди Ляля отдала ребенка мужу и, ни слова не говоря, принялась стремительно раздеваться догола, как будто одежда жгла ей кожу. При этом она не теряла какого-то врожденного достоинства. Оглянувшись по сторонам, я увидела, что ее примеру последовали почти все присутствующие на берегу девицы: и те, что прибыли с нами, и те, что встретили нас здесь. И даже более того, было видно, что если бы не ребенок на руках, сам Сергей ап Петр подхватил бы инициативу примеру своей супруги. По крайней мере, Виктор торопливо раздевался вместе с остальными. Еще мгновение – и леди Ляля, а также прочие окружающие ее девицы с визгом кинулись в воду рядом с кораблем и принялись с шумом и визгом плавать, нырять и плескаться в теплой прибрежной воде. Вот

одна из темнокожих девок, (кажется, младшая жена князя), торопливо поплескавшись вместе со всеми, выскочила на берег, и, как есть, – голенькая, с каплями воды, застывшими на смуглой гладкой коже, – подбежала к Сергию ап Петру и взяла у него из рук малыша. По-моему, ребенок даже не проснулся, а князь стал сдирать с себя одежду теми же стремительными движениями, какими незадолго до этого разоблачались его подданные. Я смотрела на него искоса, чуть опустив ресницы, а потом и вовсе отвернулась в сторону – когда, скинув штаны, он с воинственным трубным кличем кинулся в воду.

– Что это такое?! – прошептала я, обращаясь к отцу Бонифацию. – Неужели эти люди внезапно сошли с ума?!

– Да нет же, леди Гвендаллион, – ответил тот, – вы просто невнимательно слушали рассказы нашего доброго друга Виктора. То, что вы наблюдаете – это так называемый ритуал совместного вечернего купания. Практикуется только летом, когда тепло и нет риска заморозить в холодной воде самые важные мужские и женские органы. Обратите внимание: люди только купаются вместе, и ничего больше. Конечно, по меркам нашей христианской церкви все это ужасный грех, но не стоит забывать, что сейчас еще идет шестой день творения, а следовательно, местные люди еще безгрешны и одежды свои носят не из стыда, а лишь для прикрытия тела от холода.

– Но мы-то, отче, христиане, а потому не безгрешны... – пролепетала сказала я, – мне ужасно стыдно смотреть на это купание, но я не могу отвести от него глаз...

Не знаю, что собирался ответить отец Бонифаций, но тут леди Ляля и несколько темнокожих красоток, остановившись по пояс в воде, принялись что-то кричать тонкими птичьими голосами и махать руками, явно приглашая нас присоединиться к их забаве. Они выглядели как русалки-ундины, которые своими прелестями заманивают случайных прохожих в глубокие омуты. Было в этом что-то колдовское и притягательное. Я-то смогла удержать себя силой воли, хотя руки уже тянулись к подолу, чтобы скинуть платье через голову, а ноги уже были готовы бежать туда, где творится колдовской ритуал, а вот молоденькие девчонки не выдержали, и в их числе моя Шайлих... Да и как она могла устоять, когда сам Виктор, красивый как римский бог Аполлон, улыбался ей и махал рукой, приглашая присоединиться к забаве? Она, моя доченька, первой развязала пояс и потянула через голову грубое шерстяное платье, обнажая белое, как сметана, тело, кожа которого никогда не видела солнца. И лишь потом за ней эти движения повторили другие девицы. Торопливо они сбросили одежду и бросились к воде, откуда им призывно махали руками коварные ундины.

Я даже глаза закрыла руками, чтобы не видеть, как будут топить мою добрую девочку, а разум мой разрывался между двумя желаниями. Одно звало меня кинуться в воду, как есть, прямо в одежде, и вытащить оттуда мою Шайлих, а другое требовало обнажиться как все и присоединиться к купающейся и веселящейся компании. Я стояла и смотрела, как они, смеясь, водят в воде хоровод: Виктор, три его темненьких жены и Шайлих. Моя обнаженная дочь с мокрыми рыжими косами, мотающимися по спине, теперь сама напоминала ундину, всплывшую из глубины вод. И лишь один трехлетний Иден, сын Альбина-гончара (тот самый, который пострадал от нападения орла) голенький, но с перевязанной головой, стоял у уреза воды и плакал оттого, что о нем все позабыли...

Но вот о нем вспомнили. Бриджит, дочь Онгхуса-кузнеца и Эна, дочь Корвина-плотника, выскочили из воды, подхватили малыша на руки и потащили в воду – купать. И вскоре он тоже, звонко визжа от восторга, колотил по воде руками и ногами, радуясь неожиданной забаве морского купания. А во мне тем временем что-то перегорело. Я смотрела на купающихся и не видела в них ничего грешного... Я просто любовалась на них.

Наплескавшись, девицы сначала поодиночке, а затем дружной толпой стали выходить на берег, а вслед за ними потянулись и мужчины. И в самом деле, что им делать в воде, когда все интересное уже закончилось?

Вышли из воды, держась за руки, и Виктор с Шайлих; я обратила внимание, что перед тем как моя дочь пошла туда, где валялось ее платье, темненькие жены Виктора по очереди дружески потерлись с ней щеками. Своего рода варварское выражение взаимной приязни и любви...

– Кажется, – сказал отец Бонифаций, – кандидатура вашей дочери рассмотрена и одобрена. Тут не как у некоторых народов юга, где мужчина, господин и повелитель, властвует над гаремом безгласных жен, по своему положению мало отличных от рабынь. Нет. Тут новую жену подбирают всей семьей, ибо все супруги должны быть друг дружке добрыми подругами, а у мужчины есть только право отвергнуть неподходящую для него кандидатуру.

И тут я вспомнила, как леди Ляля смотрела на меня после того, как Сергей ап Петр помог мне сойти по сходням. Ее взгляд был оценивающим и одобрительным, будто она уже утвердила мою кандидатуру и теперь готовилась представить ее на семейном совете. Какой ужас! Старшая жена сама подбирает своему мужу новых подруг. Да я умру со стыда, если она сама предложит мне войти в их семью! И в тоже время, если тут не приемлют праздных вдов, то рано или поздно от меня неизбежно потребуется выйти замуж. Как сказал однажды отец Бонифаций: если ты приехал в Рим, то и делай все так, как делают римляне. Впрочем, думать об этом пока рано, вот когда все определится, тогда и буду решать, как поступать дальше.

Резко обернувшись, я увидела, что Сергей ап Петр, уже одетый, с мокрыми волосами и в расстегнутой рубашке, внимательно смотрит в мою сторону, а леди Ляля, тоже уже одетая и с младенцем на руках, старательно ему что-то втолковывает на своем языке. От этого взгляда меня бросило в жар, и я отвернулась, чтобы не видеть этого оценивающего взгляда. Когда же я снова посмотрела на князя, он уже был занят разговором с молодым воином, похожим на сакса, который явно был начальником этого места. Этот человек, тоже мокрый от купания, показывал князю что-то отдаленно похожее на гром-палку, и при этом говорил таким напряженным голосом, что туда подошли и леди Ляля, и вторая белая жена Сергия ап Петра леди Сабина, обычно такая незаметная, будто ее вообще нет, а также наш добрый друг Виктор. Для них это явно было важно и интересно. И в то же время бывшие дикарки, – как темные, так и светлые, – остались к этой штуке совершенно равнодушными.

Наверное, вожди перед ужином решили затеять охоту, чтобы опять побаловать нас свежим мясом после длительного путешествия. А я бы не отказалась. Принимая пищу три последних дня из-за качки совсем понемногу, попав снова на твердую почву, я обнаружила в себе неплохой аппетит, и, наверное, с остальными происходило то же.

Ну что ж, я оказалась права: постоянные обитательницы этих мест жестами пригласили нас пройти туда, где вокруг ямы для костра на траве были расстелены плетеные из камыша циновки, а мужчины, включая леди Лялю, собравшись в кучу, взяли собак и с целеустремленным видом пошли куда-то в лес. Причем маленький сынок Сергия ап Петра и леди Ляли остался с одной из их темных жен, что говорило о том, что они пошли все же на охоту, а не по каким-то другим, менее опасным делам. В противном случае леди Ляля обязательно взяла бы сыночка с собой, ведь она с ним почти не расстается и передает его кому-то только тогда, когда ей необходимо что-то сделать.

25 июня 2-го года Миссии. Вечер. Понедельник. Устье Гаронны, временный лагерь бригады сборщиц водорослей.

Младший вождь и бригадир Сергей-младший, он же Сергей Васильевич Петров (18 лет).

Последние три дня я сидел как на иголках. У меня была новость, которую следовало немедленно сообщить в Большой Дом и Сергею Петровичу на коч, и при этом не имелось никаких средств связи. Собираясь в Каменный век, вожди просто не стали с этим морочиться. Маленькие компактные рации, доступные по цене, все равно не могли обеспечить связь на

десятки или сотни километров. Они вообще-то работают только на расстоянии прямой видимости, а остальное может быть только у военных или у шпионов. Так что возвращения коча я ждал с нетерпением... ну как свидания с Катькой, когда мы еще были молодыми и глупыми детдомовскими детишками. Я, кстати, и сейчас ее люблю, но она, дура, этого не понимает и все время пытается учинить сцену ревности, и только предложение «дать в бубен» немного приводит ее в берега.

Поскольку двадцать молодых первобытных девок, назначенных сгребать деревянными граблями водоросли, расстилать их на песке для просушки, а потом тащить в сжигательные ямы, каждый день хотят есть по немаленькой порции мяса, мне приходилось делить свое время между руководством производственным процессом и добычей пропитания, то есть охотой в лесу, который начинался сразу за грядой холмов. Охотился я исключительно с арбалетом, а «Сайгу» на всякий случай оставлял Катюхе: мало ли какое двуногое или четвероногое зверье заглянет на огонек. У меня даже не было собаки, поскольку приемный сын Зары из волчьего племени с тривиальной кличкой Шарик, выданный мне в качестве вспомоществования, к охоте был мало предрасположен, предпочитая выполнять охранные функции. А у нас и охранять-то, кроме сухих водорослей, нечего. Но если к нам заглянет какой зверь, то Шарик обещал быть на высоте. Умный он у меня, только пока немного дурак.

Следует заметить, что если в первые дни подсвинка или лесную лань можно было подстрелить у самого лагеря, то с каждым новым днем мне приходилось удаляться от лагеря все дальше.

Итак, двадцать первого числа до места до места предполагаемой охоты, где дичь была еще непуганой, мне потребовалось идти около часа. Оказавшись там, я забрался на вершину дюны с целью обзреть, – тьфу ты, обзреть – окрестности. В ходе этого обозрения я обратил внимание, что в ложбине между двумя холмами вершины сосен как-то странно обломаны. «Ага! – подумал я. – Тунгусский метеорит в миниатюре!» Про тунгусский метеорит я точно помнил, что там сила взрыва была как у хорошей водородной бомбы. Рвани здесь эта штука = и весь юг Франции и половина Испании превратились бы в пустыню. Но на всякий случай я решил проверить, как говорит Андрей Викторович, «что это там черненькое белеется или беленькое чернеется».

Ага, проверил... Потом благодарил товарища старшего прапорщика за вбитую прямо в мозг привычку к обстоятельности и дотошности.

Короче, когда я забрался на склон одного из двух холмов, между которых был повален лес, то даже присвистнул. Ну ничего ж себе! Вот такого я точно не ожидал... Больше всего картина напоминала грандиозную свалку металлолома посреди бурелома. Будто что-то такое, достаточно огромное и металлическое, какое-то время назад свалилось с высоты, переломав лес, да и само развалилось на части, так что было почти невозможно опознать, что это было. Но точно не самолет: алюминий-то не ржавеет. К тому же размер громоздящейся кучи обломков красноречиво свидетельствовал, что она способна вместить в себя не один десяток пассажирских самолетов, и еще останется место.

Поскольку свалки металлолома – не самое характерное явление для Каменного Века, то я решил спуститься вниз и попытаться во всем разобраться подробнее.

Внимательно осмотрев местность с некоторого расстояния, я пришел к выводу, что эта штука, скорее всего, свалилась сюда прошлой зимой. Случись это в теплое время года – обломки ушли бы глубоко в мягкий грунт, а не остались бы разбросанными фактически на поверхности. К нам сюда постоянно что-то падает из другого времени: то автобус французами, то этот дворянин-придурок Виктор Легран. Ну а поскольку в любое историческое время это место будет глубоко под водой, то, откройся эта дыра прямо перед кораблем – ему не миновать падения с солидной высоты... И кстати, если в эту дыру мог пролезть корабль, то вместе с ним должен был хлынуть неслабый поток воды – примерно как Ниагарский водопад.

И как только я подумал про корабль, встало на свои места. Я хоть и не инженер, но понимаю, что корабли не предназначены для того, чтобы падать носом вниз с высоты семьдесят или восемьдесят метров. Потом я подумал о пассажирах, которые могли быть внутри, и о том, какой ужас они должны были пережить перед смертью. Это я к тому, что после падения с такой высоты не выживают. Это вам не автобус с французской школотой, вписавшийся в первое попавшееся дерево. Мне представились тысячи гниющих трупов внутри этого корабля, и желание подойти и посмотреть на обломки поближе куда-то пропало. Но я взял это желание за шиворот и вытащил его обратно. Что я, покойников никогда не видел? В тот день, когда мы мочили людоедов, трупов было достаточно, да и клан Волков, штабелями лежавший на перепаханном картофельном поле, тоже доставил немало впечатлений по этой части. К тому же никто не помешает мне просто подойти поближе и осмотреться. В любом случае и Сергей Петрович, и Андрей Викторович потребуют от меня более-менее подробного доклада, и что я им скажу? «Не стал подходить ближе, так как испугался покойников»? И они мне ответят: «Детский сад, штаны на лямках»! Рисковать жизнью я не собирался, но приблизиться к месту катастрофы все одно требовалось.

И вот что получилось. Чем ближе я подходил, тем более сомнительной делалась мне версия с наличием в этой груде хлама большого количества мертвецов. В таком случае здесь и сейчас тусовался бы весь лесной бомонд из пожирателей падали; вороны уж точно слетелись бы со всей округи и гвалт стоял бы как на стадионе, когда сначала «Зенит» играет против «Спартака», а потом разогретые пивом пузатые болелы идут стенка на стенку как два римских легиона. Но над этой свалкой тишина. Лесу эти обломки явно не интересны. Нет в них ничего съедобного, только невкусное железо.

Пробраться внутрь оказалось затруднительно: рваный ржавый основательно перемешался с буреломом. Но кое-что мне выяснить удалось. Корма корабля, хоть и повалилась на бок, но сохранилась почти полностью, и, главное, на ней уцелел флагшток, с которого свисали выцветшие лохмотья – в них с трудом можно было опознать американский «матрас», а полустертое название заканчивалось на «... Bird» – то есть какая-то там «птица». То-то Андрей Викторович будет рад – он янкесов ненавидит до глубины души. Или нет: плыл себе мирный трамп в Бордо с грузом знаменитых американских джинсов и нарвался если не на мину времен войны, то на темпоральную ловушку, причем неслабых таких размеров... Проглотить целый корабль – это вам не засада на дороге с автобусом, и не та дыра, которую мы с Сергеем Петровичем обнаружили в прошлой жизни...

Рассуждая таким образом, я обо что-то споткнулся. С трудом я сумел удержаться на ногах, оглашая окрестности проклятьями. Правильно – смотреть надо не только по сторонам, но и под ноги, а то можно наступить на такое, что никто потом не узнает, где могилка твоя. Это «что-то» при ближайшем рассмотрении оказалось не пнем и не бревном, а симпатичным деревянным ящиком темно-зеленого цвета и вполне еще нового вида, он только слегка был присыпан всякой дрянью. И если судить по черной трафаретной надписи на крышке этого ящика, запечатали его на американском военном арсенале в достославном городе Спрингфилде в октябре достославного тысяча девятьсот семнадцатого года.

«Ну, – подумал я, – навряд ли в таких ящиках перевозят джинсы. Да и штамп «US Army» тоже пахнет довольно специфически. Лишь бы внутри не оказалась какая-нибудь лабуда – вроде выстрела к крупнокалиберной гаубице или пары десятков револьверов Кольта, которые в наших условиях годятся только для того, чтобы застрелиться.»

Подумав об этом, я отщелкнул замки и, с хрустом срывая свинцовую пломбу, поднял крышку. А там... там, в своих гнездах, одинаковые как братья-близнецы, лежали пять ружей, точь-в-точь похожих на неоднократно виденные мною в боевиках помповухи. Пять стволов, Карл, целых пять – больше всего того арсенала огнестрела, которым племя Огня владело до сего дня! Не веря своим глазам, я вытащил из ящика одно ружье. Оно увесисто оттягивало

руку, пахло заводской смазкой и выглядело совсем как настоящее. Да оно и было настоящим: хоть сейчас заряжай, стоит только найти патроны. Прикинув калибр ствола, я подумал, что если это и в самом деле помповуха, то к ней подойдут наши патроны от «Сайги». А что: двенадцатый калибр – он и в Америке двенадцатый калибр. Рядом с каждым ружьем также лежал скатанный в рулон брезентовый ремень, ножевой штык в ножнах, больше похожий на небольшую саблю (лезвие длиной 42 сантиметра) и свернутый подсумок для переноса патронов. Штык-нож с подсумком я повесил на пояс, а дробовик, подсоединив к нему ремень, закинул на плечо. Годится!

После этого я аккуратно закрыл ящик, рассчитывая забрать его содержимое позже, и огляделся по сторонам. Вряд ли такой ящик на корабле был единственным и вряд ли оружие перевозилось отдельно от боеприпасов... И точно: похожие ящики, одни побольше, другие поменьше, были разбросаны то там, то сям. Видимо, первоначально корпус разломило прямо по грузовому трюму, из-за чего их разнесло по окрестностям, а быть может, дело в том, что вместе с пароходом сюда ухнул немалый поток морской воды, который тоже внес в это дело свою лепту. Так что, хоть основная часть груза оказалась погребенной под горами металлолома, кое-что валялось по кустам, как говорится, в шаговой доступности.

Ради пущей уверенности я стал открывать все ящики подряд, чувствуя себя Аладдином, дорвавшимся до пещеры с сокровищами. Чего там только не было! Винтовки (вроде нашей трехлинейки, но американской системы), ручные пулеметы «Льюис» (точно такие, как я видел в кино), револьверы и автоматические пистолеты «Кольт», как в вестернах, и даже гранаты-лимонки, только почему-то помеченные меткой «МК II». Ручной пулемет, револьвер и гранаты мне были без надобности. Я вообще не понимаю, как их можно использовать в наших условиях, разве что вытопить из гранат тол и применить в промышленных целях. Взорвать какую-нибудь скалу... А вот одну американскую винтовку я тоже прикоммуниздил. Кто его знает, быть может, и пригодится, ведь дробовик против крупного зверя не всесилен. Второй штык-нож, почти такой же великанский, как и первый, только чуть покороче (лезвие 40 сантиметров), и цепочка пока пустых маленьких брезентовых подсумков для патронных обойм сделали меня похожим на партизана Великой Отечественной Войны из породы куркулей. Еще шмайсер на грудь – и полный абзац.

И тут я понял, что мне пора возвращаться, но в первую очередь все же следовало отыскать патроны, а иначе подобранные мною стволы окажутся не ценнее обычных палок. Нет, вру: штык-ножи к винтовкам и помповухам в Каменном Веке пойдут на ура, но все же это совсем не тот профит, который хотелось бы иметь с этой находки. Это все равно что найти машину водки, водку вылить, а бутылки сдать в стеклотару. Рассказывал мне Андрей Викторович такой анекдот времен его молодости.

И патроны нашлись! Ептить, с самого начала нужно было открывать самые маленькие ящики. Хотя сначала меня постиг конфуз, я же аглицкого языка не знаю. Патроны в ящике, промаркированном как «.45 АСР», оказались маленькими толстенькими засранцами, подходящими к револьверам или пистолетам. Получилось, что зря вскрыл цинк – считай что все патроны теперь испортил, а это бесхозяйственность. Пришлось из ящика с пистолетами прикоммуниздить две штуки, себе и Катьке, набить основную и запасную обоймы, а остальное прямо в картонных пачках распахать по карманам. А это оказалось килограмм десять, не меньше.

Мне такая история нравилась все меньше и меньше, потому что если я найду еще патроны к дробовику и винтовке, то тащить на себе содержимое еще двух цинков я банально не смогу. Я, конечно, крепкий парнишка, но все же не Геракл. Но Каменный Век шепчет мне в ухо, что каждый патрон, пусть даже всего лишь для пистолета, может оказаться ценою в чью-то жизнь, и этот шепот нужно немедленно заглушить, потому что я и так вожусь тут непозволительно долго, день клонится к вечеру, а мою бабью бригаду еще нужно чем-то кормить. Вытряхиваю невскрытые бумажные пачки обратно в цинк, оставляя в карманах самый минимум патронов,

а ящик вместе с вскрытым цинком, поплотнее завинтив барашковые гайки⁷, оттаскиваю к тому месту, где оставил початый ящик с помповухами.

Потом иду искать дальше – и почти сразу натываюсь на такой же ящик, как с пистолетными патронами, но с маркировкой «12 GA SHOTSHELL». Ага, патронные ящики одинаковые, цинки тоже, и только количество патронов разное... Надо учесть. Отвинчиваю барашковые гайки на крышке, потом специальным ножом вскрываю один из двух цинков – и точно, расфасованные в маленьких проволочных картонных коробочках по пять штук, там лежат они, патроны к дробовику двенадцатого калибра, серо-зеленого маскировочного цвета. Внутри, насколько я понимаю, волчья картечь. Если с небольшого расстояния, то это страшное оружие. Даже целиться особо не надо, просто наводи примерно в сторону цели и стреляй не глядя. В боевиках крутые парни частенько стреляли из такие помповых ружьяек очередями. Не отпуская нажатого курка, они часто-часто передергивали затвор, из-за чего выстрелы шли один за другим. Пять патронов в обойме помповухи вырубят целую толпу или лося, который попер на тебя буром. Вот этими патронами, тем более что они подходят и к «Сайге», я набираю и подствольный магазин ружья, и подсумок, и все карманы до упора, а то, что не поместилось, укладываю на освободившееся от ствола место в ящик с помповухами. Для пистолетных патронов там места уже нет, ну и хрен с ними. Не на разборки же собираемся и даже не на войну, а укрепляем возможности своего существования в диком Каменном Веке.

Патроны к американской винтовке нашлись в ящике, маркированном как «аммо 30-06». Вскрываю один цинк и беру оттуда только несколько пачек, каждая на две пятипатронных обоймы⁸. Патроны из одной обоймы сразу вставляю в винтовку, передергиваю затвор и опускаю флажок предохранителя. Готово! Остальные обоймы заталкиваю в подсумок, закрываю ящик и завинчиваю барашковые гайки до упора. Распрямляюсь и вздыхаю. Все! Теперь я вооружен до зубов (включая арбалет, который я не бросил) и нагружен как ишак. Мне бы просто дойти до лагеря, а тут еще и охотиться надо. Можно, конечно, поскорее добраться до лагеря, сбросить лишний груз и выйти на тропу войны с одной помповухой, но это долго. Можно не успеть к закату солнца. И вообще – какого черта я вообще увлекся этими исследованиями? И два пистолета с патронами, и винтовка нужны мне как зайцу стоп-сигнал. Между прочим, в лесу между деревьями на всех реальных дистанциях королем стрельбы будет именно помповое ружье.

Но все равно я ее не брошу, поскольку она моя, а я ее. До сих пор по-настоящему дальнобойный ствол был только у Сергея Петровича и еще отчасти у Антона Игоревича (потому что его «Симонов» тоже был достаточно неплох), а теперь есть еще и у меня. Хотя, если подумать по уму и как следует распотрошить эту пещеру Аладдина, то свои стволы появятся у каждого француза и француженки, каждой полуафриканки и каждой Волчицы (Лани для этого дела слишком миролюбивы). И запаса патронов хватит ой как надолго. В дело можно приспособить даже пулемет. Тут есть твари, вроде шерстистого носорога, которых одной пулей не проймешь. Их желательно бить очередью, направленной в одно и то же место.

И вот тут, когда я немного замечтался, прямо мне навстречу вышкандыбал лосяра. Обычно зверье (особенно травоядное) с человеком старается не встречаться, но взрослые лоси считают себя такими крутыми, что медведю морду набить могут, а потому в этот этикет особенно не вникают. А может, он тоже замечтался – например, о лосихе. С арбалетом я бы на этого зверя на пошел, ему одиночный болт как укол булавкой, а вот с «американкой» – почему

---

⁷ Судя по обнаруженным в сети изображениям американских патронных ящиков, крышка у них держалась не на замках, а на шпильках с барашковыми гайками. Чтобы такое дурацкое крепление в полевых условиях не прихватила ржа, все это следовало густо смазывать солидолом.

⁸ **Обойма** – специальная планка с направляющими, в которые вставлены донца гильз пяти патронов, что облегчает зарядание встроенного, неотъемного магазина винтовки. Затвор открывается до упора, направляющие обоймы вставляются в специальный паз, а потом патроны одним движением пальца перегоняются из обоймы во внутренний магазин. Пустая обойма снимается и выбрасывается, затвор закрывается – и винтовка готова к стрельбе.

бы и нет. Но дело в том, что у меня под правой рукой, то есть в моментальной готовности к стрельбе, висела как раз не винтовка, а помповый винчестер. Менять руки – это же столько грохота, да и время пройдет, так что лось либо удерет, либо кинется прямо на меня.

Тогда я с криком, ошарашившим несчастное животное, сорвал с плеча помповуху и кинулся к зверюге, часто дергая цевьем и производя выстрел за выстрелом. Как там говорил Суворов: «удивить – значит победить». Вот и лось удивился, а тут еще первый заряд волчьей дроби прилетел прямо в морду. Уже не только удивленное, но и испытывающее боль и испуганное животное, попыталось развернуться для бегства и получило еще три заряда дроби в бок и живот. Ноги лося подогнулись и он завалился на поврежденный бок, отчаянно перебирая копытами по палой хвое и пронзительно вопя. И вот тогда я подошел к павшему животному вплотную и с расстояния меньше двух метров выстрелил ему прямо в голову последним зарядом. Это помогло. Крик животного прекратился, а ноги перестали дергаться. После чего я сел на поверженную тушу, перезарядил подствольный магазин очередной порцией патронов и задумался о своей печальной судьбе – как я буду тащить это в лагерь, ведь в лосе весу будет побольше полутонны. А оставь его здесь без присмотра – так мигом набегут любители дармовщины, так что в итоге добычи мне не видать.

Но все разрешилось самым естественным путем. Полчаса спустя, когда я отдышался и решал, что делать, ко мне на выручку прискакала кавалерия, то есть моя черно-белая семейка, и прикомандированные волчицы, вооруженные всяким дрекольем: в основном граблями и подобранными по пути палками. При этом они громко и старательно вопили, так что казалось, что на выручку мне мчит целый рой разъяренных фурий. Они-то думали, что их мужа и господина требуется защищать, вот и спешили. И только в самом конце процессии присутствовала Катюха с Романом в одной руке и «Сайгой» – в другой. И, разумеется, Шарик с виноватым видом. Когда он нужен – его нет, а вот теперь нарисовался – любите его, любите.

Увидев, что я жив, здоров и невредим, девки станцевали вокруг меня с лосем дикий воинственный танец, потрясая в воздухе своим дрекольем. Потом, когда все успокоилось, я вручил двоим своим светлым женам, Дите и Тате, по штык-ножу и приказал расчленить лосюша этими режиками, а остальным велел таскать эти отчлененные части в лагерь во славу сегодняшнего ужина. Малоценные части: башку, хребет и прочие кишки не брать. Если будет надо, то я добуду еще столько мяса, сколько необходимо. Я теперь богатый и могу не экономить патронов.

Потом, отведя Катюху в сторону, я вручил ей пистолет с патронами. Тут надо сказать, что это был первый лично мой подарок своей жене. До попадания сюда я был безденежный детдомовский мальчишка, одетый в казенные шмотки, который ничего не мог подарить, потому что ничего не имел, а уже здесь я вкалывал на общее благо, и то, что было на мне надето, тоже было общее, но отнюдь не мое. И вот теперь ту вещь, которую я добыл сам и которую не требуется сдавать в общий котел, я дарю своей жене больше чем через год после того как Сергей Петрович перевязал нам руки... Катюха упала на мое плечо и разрыдалась, а я гладил ее по спине и думал, что зря она, дура, ревнует. Ведь чего бояться бабы там, дома, в мире двадцать первого века? Правильно! Они боятся того, что другая уведет мужика из семьи. Но здесь это невозможно. Мужик в принципе из семьи не уходит, а то, что мое внимание немного рассеивается – так это совершенно не страшно. Любить и ценить можно нескольких жен сразу, а не только одну, единственную и ненаглядную.

Одним словом, на следующий день, чтобы Катюха не маялась дурью, я вручил ей бразды управления процессом сбора водорослей, а сам с четырьмя волчицами покрепче пошел к месту кораблекрушения. От идеи сразу начать перетаскивать добычу в лагерь я отказался после первого же размышления. Не осилим. Мы просто занялись сортировкой, складывая все по штабелям: ящики с дробовиками и патронами к ним – отдельно, винтовки и патроны к ним – отдельно, гранаты – отдельно; остальное я приказал не трогать и в нагромождение хлама за

ящиками не лазить, ибо не до того. Табу! В эти времена людей очень сложно научить грамоте, но у них замечательная зрительная память. Один раз увидав картинку, они ее ни с чем не перепутают. И поэтому ошибок в сортировке у нас не было. А после того как дело бывало сделано, на обратном пути мы охотились, уже сами отыскивая добычу. Думаю, что эти четверо волчиц станут моими очередными женами, ибо право свободного выбора еще никто не отменял.

Вся это деятельность продолжалась четыре дня, я уже начал подумывать, что в лагерь следует начать таскать хотя бы патроны, но сегодня вечером к нам как снег на голову свалился Сергей Петрович со своим кочем, груженным оловянной рудой и – сюрприз! – представителями, точнее, представительницами древнего народа кельтов. Я просто не успел ничего сказать Петровичу, как соскучившаяся по вечерним купаниям Лялька учинила коллективный стриптиз с дальнейшим омовением. Ну что же моей семейке и волчицам тоже пришлось соответствовать, и только когда все успокоилось, я вынес из своего вигвама и показал Сергею Петровичу помповуху и «американку», попутно рассказав, как я дошел до жизни такой.

25 июня 2-го года Миссии. Вечер. Понедельник. Устье Гаронны, временный лагерь бригады сборщиц водорослей.

Сергей Петрович Грубин, духовный лидер, вождь и учитель племени Огня.

Когда Серега показывал мне свои неожиданные трофеи и излагал соображения по этому поводу, то у меня на голове дыбом вставали последние волосы. Истину о том, что бесплатный сыр может быть только в мышеловке, я помнил хорошо. Сам по себе этот разбившийся о временной барьер корабль – это не только возможность, но и угроза. Угроза того, что, увлекшись разграблением неожиданной пещеры Аладдина, мы чрезмерно начнем полагаться на трофеи, в том числе и на невозполнимые запасы оружия и патронов, отчего через некоторое время наша цивилизация разрушится, потому что этот источник могущества рано или поздно иссякнет.

Но, с другой стороны, что-то многовато в последнее время у нас гостей. Кроме нашего, это уже четвертый «документированный» случай провала в прошлое. Примечательно, что все эти провалы произошли уже после того, как мы отправились в свой вояж в Каменный Век. Нет никаких свидетельств (по крайней мере, поблизости), что кто-то переместился сюда раньше, и это наводит на определенные мысли. Что если так задумали изначально некие высшие силы? Что если они решили предоставить возможность нырнуть в мир до начала времен как раз тем, кто не только мечтал о свободе, но еще и мог, реализовав эту мечту, выжить и сохраниться как цивилизованный человек? Фантастика, конечно... Однако разве не фантастика вообще все эти пространственно-временные дыры? Да, над этим стоит еще крепко поразмыслить... Если рассуждать таким образом, то можно предположить, что «зародыш цивилизации», который нам удалось создать здесь своими трудами, послужил своего рода маяком для следующих провалов... Что ж, мысль о том, что в происходящем присутствует некая высшая логика (как сказали бы некоторые, «промысел»), с одной стороны, вдохновляет. Но, с другой стороны, накладывает огромную ответственность...

Ведь и вправду большинство так называемых цивилизованных людей, не подготовленных к жизни в дикой природе, либо погибнут за несколько дней, либо, прибившись к абorigенам, будут влачить жалкое существование и не оставят следа в истории, то есть не станут причиной ее начала. А мы, значит, сумели... Сумели прыгнуть выше головы и стать маяком для тех несчастных, что выпали из своего времени и теперь валяются на наши головы как парашютисты на призрачный свет партизанских костров. Ведь и Виктор Легран и кельты-думнонии оказались там и тогда, где мы смогли их подобрать, а автобус с французскими школьниками и вообще был доставлен прямо к нам на дом. Получите, распишитесь.

Но ни с французских школьников, ни с Виктора Леграна, ни с кельтов-думнониев мы не получили никакой материальной выгоды, только людей, в случае со школьниками – даже без полезных навыков. И вот этот материальный профит падает на наши головы отдельно от людей.

Если Серега прав, то выжить в этой катастрофе не мог никто, только вот груз, который она принесла, уж больно специфический – оружие и патроны в большом количестве. Но, однако, бывает так, что на свет костров прилетают не только дружественные парашютисты. Иногда шальной юнкерс бомбами может сыпануть на огонек или выбросить десант из роты солдат СС.

До сих пор нам везло и мы встречались только с людьми, настроенными к нам вполне комплиментарно. А если завтра в окрестностях Большого Дома объявятся эсесовцы, преследующие французских партизан или советских военнопленных, или рота мушкетеров одного из Луев, или отряд крестоносцев времен альбигойских войн, которые сперва жгут еретиков живьем и только потом задают вопросы? Тут требуется признать, что, за исключением нас самих и автобуса с юными французами, остальные наши попаданцы происходили из весьма беспокойных периодов мировой истории. Первая Мировая Война, Великая Французская Революция, Великое Переселение Народов... Те же легионеры Цезаря, заблудившиеся во времени, тоже могут стать весьма неприятными гостями.

Единственное, чего нам не стоит опасаться – так это морских разбойников, пиратов, саксов, викингов и военных кораблей каких-либо держав. Всех их в случае попадания к нам ждет восьмидесятиметровый полет по воздуху и тошнотворный шмяк об воду или, как в данном случае, об сушу. И только вблизи тогдашней береговой линии последствия могут быть не столь катастрофическими, но до ближайшего моря расстояние будет составлять около сотни километров...

Так что накладывать табу на груз разбившегося корабля, как я хотел сделать первоначально, было бы неразумным легкомыслием. Дела пошли таким образом, что дом наш может оказаться построенным на песке. Чтобы избежать поражения, отныне мы должны быть готовы во всеоружии встретить любой вызов, – и еще посмотрим, кто кого скрутит в бараний рог, массаракш...

– Итак, – сказал я с самым серьезным видом, – когда на голову валятся подобные подарки, мы не имеем права не насторожиться.

– Петрович, – спросила Ляля, отжимая мокрые после купания волосы, – ты считаешь, что этот разбившийся корабль несет нам угрозу?

– Только в том случае, – сказал я, – если из-за него мы неправильно распределим свои силы. У нас на носу и сельхозработы, и очередная большая стройка, и производство собственного чугуна и стекла, и необходимость совершать вояжи то за содой, то за солью, то за оловянной рудой, то за белой глиной. И все это остро необходимо, потому что иначе нам не выжить. Народ и так уже натянут на различные работы, как сова на глобус. И в то же время есть у меня, товарищи, подозрение, что очередные гости из будущего могут доставить нам немалую головную боль, а посему недооценивать этот дар Великого Духа не стоит. Ферштейн?

– Ферштейн! – ответили Ляля и Сергей-младший, а Виктор Легран лишь пожал плечами. Мол, и без того ясно, что ворвись сюда вооруженные до зубов монтаньяры – и несдобровать никому из присутствующих.

– Ну, если вам понятно, – сказал я, – то тогда мы все вместе должны посмотреть на место этого крушения, а Катя тем временем пусть распорядится об ужине. Веди, Серега.

Дорога заняла где-то час времени или даже чуть меньше, потому что тропа под ногами была натоптана, и идти по ней было легко. И вот оно – место эпического хаоса, где переломанные стволы сосен перемешались с рваным ржавым железом. Меня охватила оторопь и благоговение. Да уж, тут возиться и возиться, пока удастся добраться до основной части груза, если, конечно, он уцелел при крушении... Полусгнивший «матрас», полощущийся на почти горизонтальном флагштоке, оставил меня равнодушным. Вот этих ребят я хотел бы видеть на наших землях с наименьшей охотой. Может, это и хорошо, что ни один из них не пережил этой катастрофы...

Но вслух я сказал другое:

– Не исключено, что если мы забросим все свои дела и кое-как разгребем это нагромождение, то обнаружим, что ящики разбились, оружие переломано и покрыто ржавчиной, патроны рассыпаны, перемешаны с грязью и испорчены, а все наши труды были зря...

– Весь груз, – сказал Сергей-младший, – погибнуть никак не мог. Ящики, оказавшиеся сверху, наверняка уцелели. И, кроме того, у патронов двойная упаковка – в ящики и цинки. И если ящик разбить сложно, но возможно, то цинк можно только помять. Разорвать толстый, луженый свинцом металл очень проблематично...

– Предположим, – сказал я, – и что из этого следует?

– А то, Сергей Петрович, – ответил один из лучших моих учеников, который труду мастера предпочел войну и охоту, – что патронов много не бывает, а лишних патронов не бывает вообще, особенно в наших условиях. Оружия много не надо. Сотня или две сотни стволов хватит нам по самые уши...

– Необходимо вооружить полуафриканок и волчиц, – деловито произнесла Ляля, – и обучать их стрельбе самым настоящим образом. Я имею в виду стрельбе из винтовки. Из дробовика целиться не надо, достаточно наводить ствол примерно в «ту сторону».

– А почему не Ланей? – спросил я.

– А потому, – ответила Ляля, – что женщины-Лани безразличны к оружию. Этим делом у них занимались мужчины, а их с нами нет. Их бабы действительно Лани – робкие и неуверенные. Вы можете раздать им что угодно, но это не принесет им ни малейшей пользы. То же касается кельтов. У них только три бойца: леди Гвендаллион, отец Бонифаций и старик Виллем... а остальные просто овцы, как любит говорить Серега.

– Ну... – сказал я, – среди Ланей тоже попадаются исключения, но в общем я согласен. Боеспособное ядро нашего народа – сто человек, в ближайшей перспективе двести. И усе. Именно на это количество оружия нам и следует рассчитывать. А ну, Серега, веди нас туда, где ты сложил уже добытые стволы...

И тот привел. Я осмотрел штабеля ящиков – как раз сотни три стволов там и было. Найдя ящики с дробовиками, извлек из одного из них помповое ружье и торжественно вручил его Виктору Леграну, вместе с подсумком и штыком. А то холодное оружие он принес с собой, а вот огнестрел ему вручаем уже мы.

– Держи, – сказал я, – теперь ты один из нас. Я хотел бы, чтобы это ружье стреляло только на охоте, но, скорее всего, это пожелание недостижимо, поэтому клянись в том, что когда мы встретимся с врагом, кем бы этот враг ни был, ты не колеблясь пойдешь в бой вместе с нами.

– Клянусь! – сказал Виктор, прижимая к груди помповуху и тут же спросил: – Петрович, а почему вы так сказали, что враг может быть любой?

– А потому, – ответил я, – что любой организованный отряд, откуда бы он сюда ни провалялся, оторвавшись от породившего его государства, непременно превратится в банду, предводители которой пожелают убить нас, чтобы править тут самим. Если дисциплина в отряде держалась только на страхе наказания, то, едва этот страх исчезает, начинается такой праздник непослушания, что ваши монтаньяры покажутся милым детишками, которые лишь решили немного пошалить. Впрочем, если дисциплина в том отряде сохранится (за счет жестких мер или харизматичного командира), этом командир почувствует себя конквистадором и попытается завоевать единственную собственность, стоящую усилий, устранив возможных конкурентов. В любом случае, мы рассчитываем, что ты как человек чести будешь на нашей стороне, а не на чьей-нибудь еще.

– Да, Петрович, – сказал Виктор, – я клянусь быть с вами и делать все, что вы прикажете... это воистину так.

Потом, при виде Сереги, на поясе которого красовалась кобура с кольцом, мне пришла в голову еще одна мысль. Нет, я не жаждал отобрать его законный трофей. Совсем наоборот – я попросил его волчиц притащить к тому месту, где мы стояли, ящик с пистолетами и цинк с

патронами, после чего вооружился сам и вручил по пистолету Ляле и тому же Виктору Леграну, объяснив, что, помимо меча, это теперь тоже знак офицерского достоинства. Еще одну пушку я прихватил с собой для Алохэ-Анны, попутно распорядившись, какое оружие и в каком количестве нужно доставить на «Отважный» в качестве образцов, для последующей доставки в Большой Дом. Вот обрадуется-то Андрей Викторович такому счастью...

27 июня 2-го года Миссии. Среда. Полдень. место слияния Гаронны и Дордони, коч «Отважный».

Сергей Петрович Грубин, духовный лидер, вождь и учитель племени Огня.

«Отважный» снова возвращается к родным берегам... Но настроение у его команды, особенно у меня самого, не особенно радостное. Вроде с момента отплытия прошло совсем немного времени, а мир вокруг изменился безвозвратно. Куда-то исчезло ощущение уединенности и безопасности. Теперь врагом племени Огня могла стать не только суровая природа Ледникового периода, но и пока неизвестные нам новые пришельцы из будущего. Угроза неопределенная, но оттого не менее реальная. И если от природы хотя бы знаешь чего ждать (зимы здесь ничуть не суровее, чем в историческое время на русском севере), то злые люди могут объявиться в любой момент и с любой стороны. И к этому надо быть готовыми. Необходимо еще больше ускорить развитие племени Огня, а также консолидацию аборигенов под нашим мудрым руководством. Мы должны превратить аморфное сообщество независимых кланов в первую в этой версии человечества единую нацию, способную противостоять угрозам любой силы...

Или нет. Консолидация кланов – это благие либеральные мечтания. Борьба всего прогрессивного со всем регрессивным. Ага, как же, держи карман шире... Как все прочие либеральные благоглупости, данная концепция обычно сбывается с точностью до наоборот. Ни один вождь, даже такой продвинутый персонаж, как Ксим из клана Северных Оленей, не согласится уступить свою власть, так сказать, на федеральный уровень, а остальное – это разговоры в пользу бедных. Тут необходимо пойти совсем другим путем. Требуется накачивать людьми и возможностями само племя Огня. Больше населения, больше сельского хозяйства и рыбной ловли, чтобы обеспечить прокорм этого самого населения, больше промышленности: производство стекла, стали, бронзы, керамики и прочего. Все излишки от того, что будет производиться в племени Огня, должны пойти на формирование обменного фонда предназначенного для выкупа из диких кланов вдов и сирот.

Зачем изгонять ненужных людей в лес? Приведи их в поселение племени Огня – и за каждого ненужного человека тебе дадут не глиняный горшок или деревянный гребень, а Настоящий Нож – крепкий, острый, сделанный из блестящего небьющегося камня, который с легкостью режет рыбу и мясо, а также способен строгать дерево... Тут как бы не начались набег с целью захвата пленных для последующего обмена на ножи. Может даже организоваться система многозвенной меновой торговли, которая направит нам вдов и сирот со всех необъятных просторов Европы, возможно, даже и с Балкан. И этот же поток вынесет к нам всех попаданцев, так сказать, третьего класса. Это – люди, что сумели выжить и присоединиться к аборигенам этого времени, но оказались не только не в силах что-нибудь изменить в их жизни, но даже не решились самостоятельно отправиться на поиски племени Огня, как сделал Виктор Легран. Мы примем всех и каждому найдем место в жизни. И чем ничемнее покажется этот человек местным вождям, тем ценнее он будет для нас.

Но, кроме материальной стороны, существует и духовная. Я сам справлялся с этим делом – пока оно касалось нескольких десятков или пары сотен человек, но теперь я чувствую, что должен передать часть своих полномочий отцу Бонифацию. Он сейчас работает над созданием Писания Шестого дня Творения: должна получиться авраамическая религия без Авраама и прочих пророков, но с нами, любимыми, в главной роли. Я хотел уклониться от такой

чести, как и от прилагающегося к ней тернового венца, но отец Бонифаций против. Без святых и пророков, мол, не сможет существовать ни одна порядочная религия. И наше желание тут не имеет никакого значения. Все равно после смерти наши образы залакируют до такой неузнаваемости, что мы и сами не смогли бы догадаться, что мы это мы. А посему, господа, извольте сдать по одной автобиографии – для последующего написания Жития, а также свои дневниковые записи, чтобы будущие монахи-летописцы превратили их в Евангелия.

Вот он – стоит и смотрит на берег, где к мосткам, с которых ловят рыбу девочки Антона-младшего, сбегается народ. Как я понимаю, кто-то глазастый, отслеживающий поворот реки, уже увидел наш парус и бегом помчался оповещать о нашем прибытии народ и начальство, так сказать, возвещая благовест Граду и миру. Все, пора отстранять от штурвала Алохэ-Анну и брать управление на себя. «Отважный», как и в прошлый раз, опять в полном грузу. Поэтому ввести его в устье Ближнего, не посадив при этом на мель – непростая задача.

Тогда же и там же. Отец Бонифаций, капеллан клана Рохан.

Если для Сергея Петровича картина, открывающаяся с борта «Отважного», была вполне привычной и не вызвала никаких дополнительных эмоций, то отцу Бонифацию все было в диковинку. К команде «Отважного» и его капитану священник уже присмотрелся и составил свое мнение, но люди на берегу, быстро собирающиеся к импровизированному причалу, были пока для него величиной неизвестной. Все же в морские походы ходят люди совершенно особого склада, совсем не похожие на тех, кто остается дома. Надо сказать, что творящееся на берегу поначалу привело отца Бонифация в определенное недоумение. Поместье (или как еще можно было называть это место) выглядело как-то неправильно. Казалось, что строения и сооружения просто бестолково разбросаны на местности. С борта корабля были видны несколько беленых низких домов под деревянными крышами и рядом – квадратики полей, где только что копошились работники. Но сейчас эти люди уже изо всех сил спешили туда, где пристанет корабль. Но это какие-то странные работники (точнее, работницы): они одеты так же, как одевается команда корабля и женщины, выполнявшие какие-то работы в устье реки. А где тогда, простите, одетые в серые балахоны вилланы или вилланки, которым положено обрабатывать поля лорда? где тут господский дом и что это за густой дым поднимается из-за тех кустов?

– Добрый друг мой Виктор, – на латыни спросил священник стоявшего рядом французского дворянина, – быть может, вы просветите меня по поводу происходящего... Расскажите, что сейчас происходит, и в первую очередь я хотел бы знать, куда подевались вилланы, которые должны обрабатывать поля лордов... Неужели их прячут при приближении посторонних?

– Я же вам рассказывал, падре, – вздохнул Виктор, – что в этом народе нет ни рабов, ни колонов, ни вилланов. Месье Петрович считает, что зависимые работники не заинтересованы в результате своего труда и выполняют работы только под страхом наказания, что значительно уменьшает возможности для развития общества. Напротив, свободные члены племени, чье общественное положение очень похоже на положение граждан во времена Римской республики, трудятся не из-под палки, а во имя общего блага, зачастую даже перевыполняя предписанные им задания. В положении, похожем на положение вилланов, находятся только недавние военнопленные. Но это состояние носит временный статус и не касается обеспечения пищей, а также одеждой, обувью и другими вещами первой необходимости, которые эти псевдовилланки получают на общих основаниях. Если пленная хорошо себя ведет и трудится с полной отдачей, месье Петрович быстро уменьшает степень ее зависимости, постепенно переводя в разряд свободных граждан. Последней ступенью, свидетельствующей о полном исправлении вчерашнего врага, является разрешение войти в одну из семей в ранге полноправной жены... Но тут главным является желание исправляемой отринуть прошлые заблуждения, искупить грехи и превратиться в члена нашего племени, наделенного всеми правами и обязанностями.

– Понятно, мой добрый друг Виктор, – кивнул отец Бонифаций, – просто я никогда не думал, что когда-нибудь увижу столь диковинное общественное устройство, ведь всегда и везде имеются лорды, воины, свободные крестьяне и вилланы...

– На самом деле, – пожав плечами, ответил Виктор Легран, – для меня тоже было невероятно удивительно встретить такое общественное устройство – месье Петрович называет его социализмом. Но местные к такому образу жизни привычны, почти по тем же обычаям в это время живут все местные кланы. Только уровень развития у аборигенов настолько низок, что члены их кланов не способны добывать еды больше, чем необходимо для их собственного выживания. Поэтому пленных никто не берет, даже напротив: ненужных едоков (вдов и девочек-сирот) изгоняют в лес на верную смерть. Ценятся тут только взрослые мужчины-охотники и еще немного – мальчишки-подростки, которые станут охотниками в ближайшее время. При этом добыча с охоты мизерная, а риск покалечиться или погибнуть чрезвычайно велик. В племени Огня все совсем наоборот. Тут мужчины могут добывать много мяса без всякого риска для жизни, а женщины, работая в поле или огороде, способны, кроме себя, самих прокормить еще десятерых едоков. Кроме того, эти женщины заняты прядением, ткачеством, изготовлением одежды и обуви, они же работают в кирпичном цеху и на той ужасной машине, которая делает из бревен доски. Этот агрегат заменяет сто плотников сразу – вот как. Вы слышали тот ужасный шум, который совсем недавно раздавался со стороны берега? Так вот – это так кричит та машина, когда разгрызает бревна на доски...

– Как разгрызает? – не понял отец Бонифаций.

– Понимаете, – ответил Виктор Легран, воодушевившись собственным повествованием, – я сам видел эту машину, в общем-то, мельком. Механика – это все же не вполне дворянское занятие. Но попробую объяснить. Вроде главная часть этой машины – быстро вращающийся диск с зубьями как на пиле, под него подсовывается бревно и он отрезает от этого бревна доски такой толщины, какой надо начальнику этой мастерской месье Валере. Вжик, вжик, вжик, вжик – и готово: бревно превратилось в несколько вполне годных досок и некоторое количество отходов, которые, впрочем, тоже найдут свое применение. Поэтому дома тут строят чуть ли не с такой же скоростью, как дети лепят свои замки из веточек и песка...

– Понятно, мой добрый друг Виктор, – сказал отец Бонифаций, несмотря на то, что до понимания было еще далеко, – а сейчас скажите, все ли довольны тем, как тут устроил дела князь Сергей ап Петр и его помощники?

– На самом деле, – осторожно ответил Виктор Легран, – месье Петрович не единственный руководитель этой колонии. Помимо него, есть военный вождь, месье Андре, кадровый офицер в отставке, а также месье Антон, который заведует кирпичным производством, и еще мадам Марина, в ведение которой входят медицина, кухня и семейные отношения. Именно она руководит той странной организацией, которая называется Советом Матрон. Месье Петрович тут заведует всеми строительными делами, он капитан этого корабля, а еще его зовут, когда необходимо провести какие-нибудь церемонии или обряды. Так вот, насчет довольства... Что касается местных женщин, то они всем довольны. Месье Петрович и другие князья этого народа устроили им такую жизнь, о которой в своем прежнем диком состоянии они не могли и мечтать. Они сыты, одеты, обуты, живут в тепле и уюте, их никто ни к чему не принуждает и не заставляет, а власть месье Петровича и других князей хоть и сильная, но такая мягкая и незаметная, что кажется, будто ее вообще нет. А она есть... когда это необходимо, ситуация разрешается ко всеобщей пользе со всей возможной быстротой и жесткостью. Общественный интерес тут выше частного, и это насущная необходимость. Ведь против нас, цивилизованных людей, стоит весь огромный дикий мир...

– Мой добрый друг Виктор, – быстро спросил отец Бонифаций, – неужели вы считаете себя заодно с князем Сергием ап Петром и его сопровителями? Ведь вы же совсем не из их народа и совсем из другого времени...

– Сказать честно, – ответил Виктор Легран, – сначала я был далеко не в восторге от того общественного устройства, которое установил месье Петрович. Но путем длительных размышлений мне удалось прийти к выводу, что это единственно возможная форма существования цивилизованного общества в данных условиях. Альтернативой устроенному тут социализму была бы гибель этого очага цивилизации, после чего нам всем пришлось бы возвращаться к дикарям и жить с ними. А я уже хлебнул такого удовольствия и больше не хочу. Я достаточно образован, умен и молод, а также умею широко смотреть на вещи и замечать то, что не видят другие, поэтому месье Петрович приблизил меня к себе и даже вручил новое оружие. Думаю, что у меня есть все необходимые качества для того, чтобы сделать в этом обществе хорошую карьеру и умереть в собственной постели в окружении десятков жен, сотен детей, а также тысяч внуков и правнуков. Из маленькой искры можно раздуть большое пламя, и я надеюсь стать одним из Адамов нового народа, наряду с месье Петровичем и другими достойными мужчинами, которым Всевышний предоставил такую возможность.

«Честолюбец, – подумал отец Бонифаций, – впрочем, он достаточно мил и его мечта не вызывает какого-то особого отторжения. Каждому нормальному мужчине, если он не замечен в содомском грехе и иных противоестественных наклонностях, хочется воспроизвести себя в максимальном количестве потомков...»

Но вслух священник произнес нечто иное.

– Благодарю вас, мой добрый друг Виктор, – сказал отец Бонифация, – вы дали мне неплохую возможность поразмыслить над вашими словами и тем, что я вижу собственными глазами. Тем более что мы вот-вот причалим...

Тогда же, первая пристань у Большого Дома, коч «Отважный».

Гвендалион, вдова Брендона ап Регана, временная глава клана Рохан.

Корабль вошел в устье какого-то ручья и чуть наискосок мягко ткнулся носом в песчаную отмель. Радостные лица встречающих, улыбки, смех и приветственные крики сбегающихся со всех сторон людей. Так не встречают сурового господина и повелителя, с такой радостью бегут только к любимому отцу. При этом Сергей ап Петр – сама скромность, он не купается в поклонении, охватывающем его со всех сторон, а как бы игнорирует его, воспринимая знаки внимания как нечто незначущее и мимолетное. Но он не хочет обижать этих людей невниманием, поэтому выходит на нос и, как это положен князю, говорит небольшую речь. Я еще не понимаю его слов, но вижу, что люди воодушевлены: они разражаются радостными криками в ответ на это приветствие.

Возглавляют толпу несколько человек. Вот они поднимаются на палубу корабля в то время, как остальные остаются внизу. По одежде и другим приметам сразу видно, что это другие лорды этого народа и соплеменники Сергея ап Петра, а остальные, должно быть, его жены, которые оставались дома, пока их господин и повелитель плывал за оловянной рудой. И одна из них – уже матрона, а не девчонка, как остальные, полногрудая и светловолосая, чем-то похожая на меня. По описанию я узнаю леди Фэру, вторую старшую жену Сергея ап Петра. Единственное, что у нее не такое как у меня, это широкие скулы и чуть приплюснутый дикарский нос, но даже эти черты не мешают мне называть эту женщину леди. Она полна внутреннего достоинства и спокойствия, и думаю, могла бы украсить собой любой, даже самый важный клан. Мое впечатление оказалось верным. Вот к этой женщине подходит леди Ляля и сначала они жмут друг другу руки, а потом, по местным обычаям, начинают тереться носами. Потом леди Ляля таким же образом здоровается с еще двумя юными женщинами примерно ее возраста, бросив несколько слов, среди которых я уловила свое имя, после чего, совершенно неожиданно она подвела всю эту компанию ко мне.

– Леди Гвендалион, – представляет она нас друг другу, – леди Фэра, леди Илин, леди Мани.

Понятно даже без перевода. Леди Ляля очень умная молодая женщина. Внимательно посмотрев на представленных мне жен Сергия ап Петра, я решила, что леди Илин и леди Мани, в общем, тоже «леди», как и леди Фэра, только им до полного соответствия еще нужно немало постараться. Впрочем, Сергей ап Петр как князь наверняка подобрал себе в жены лучших из лучших, остальные местные женщины должны быть несколько хуже...

– Очень приятно, – сказала я, сопроводив свои слова улыбкой для лучшего понимания.

Произнеся эти слова, я просто не понимала, что мне следует делать дальше. Ведь, несмотря на наши взаимные улыбки, я пока не могу вступить с ними светскую беседу, потому что знаю всего несколько слов... Но, как оказалось, этого было достаточно.

– Леди Гвендаллион, гость, иди с нами, – неожиданно сказала леди Фэра⁹, – отдыхать, баня, купаться.

И тут я наконец все поняла. Вчера, после здешнего традиционного вечернего купания в реке, мы с отцом Бонифацием немного расспросили нашего друга Виктора по поводу царящих тут брачных обычаев – в первую очередь для того, чтобы понять брачные перспективы своих детей. Из этой беседы следовало, что приглашение претендентки в баню является последним этапом местного сватовства, за которым уже следует сам брак. Со старшей темной женой леди Алеанной и младшими темными женами леди Ляля могла договориться еще на корабле, и вот теперь меня представляют светлой половине семьи Сергия ап Петра, а я еще не знаю, хочу я этого брака или нет. С одной стороны, став моим мужем, Сергей ап Петр естественным путем укрепляет свою власть над кланом Рохан, а с другой, я обрету статус старшей жены в семействе главного князя этого племени, – точно так же, как обрели его старшие матроны его темной и светлой половин. Брак на таких условиях ничуть не уронит моего достоинства, потому что Сергей ап Петр не обычный лорд, а, можно сказать, цезарь здешнего народа.

Но такое положение – это не только честь, но и большая ответственность. Каждая старшая жена в этом племени играет большую общественную роль, помогая своему мужу в том, в чем она разбирается лучше всего. Леди Ляля – адъютант своего супруга и его правая рука. Как я уже говорила, она очень умна. Леди Алуанна является первым помощником Сергия ап Петра на корабле и старшей над всеми матросками, независимо от того, к какой семье они принадлежат. Леди Фэра, как сказал наш друг Виктор, заведует яслями для малышей. Так как все женщины в племени Огня заняты общественным трудом, то детей, уже отнятых от груди, каждое утро относят в специальное место, где под руководством леди Фэры с ними занимаются специально подобранные девушки. Леди Марина, с которой я только что вежливо раскланялась (не узнать ее по описанию было невозможно), заведует местом общего приготовления пищи, а еще выполняет обязанности главного лекаря. Леди Люсия, которая вместе со своим мужем осталась там, на Берегу Нерожденных Душ, считается вторым лекарем, сопровождающим князя в его походах. Леди Лизавета заведует швейной мастерской, а леди Ольга руководит ткачихами. Мне тоже предстоит решить, чем я займусь, став женой князя Сергия ап Петра, но прежде мне нужен совет отца Бонифация.

В растерянности я оглянулась по сторонам, но капеллан клана Рохан при посредстве нашего друга Виктора был занят разговором с Сергием ап Петром и другими здешними лордами. А леди Фэра все зовет меня проследовать за ней, и мне неудобно заставлять ее ждать. Я разрываюсь между двумя своими побуждениями и, наконец, решаюсь. Подозвав к себе Шайлих, я прошу передать отцу Бонифацию мою просьбу о встрече при первой же возможности, как только он станет свободен от истинно мужских дел, поскольку я очень нуждаюсь в его совете.

---

⁹ Это не Фэра так плохо говорит по-русски, это Гвендаллион из-за своего более чем ограниченного знания русского языка воспринимает ее речь с пятого на десятое.

– Мама, – растерянно спросила моя дочь, – неужели ты все-таки решила выйти замуж за этого князя Сергия ап Петра? А как же мы с Эмрисом? Я все же надеюсь, что он излечится от этой своей дури и снова станет моим любимым старшим братом.

– Ваше положение, – ответила я, – не изменится ни при каких обстоятельствах. Ты помнишь, что говорил наш друг Виктор по поводу местных обычаев? По местным законам вы уже совсем взрослые. Кстати, самому Виктору столько же лет, сколько и Эмрису, но ты сравни своего брата со своим женихом, который уже совсем взрослый муж, пользующийся всемерным доверием своего князя и...

– ... имеющий целых трех жен, – подхватила Шайлих, – а Эмрис со своей дурной головой не может отвечать даже сам за себя. Я об этом знаю, мама, но ведь речь шла не о нас, а о тебе...

– Вот именно что обо мне, – ответила я. – Это мне предстоит решать, выйти мне замуж еще один раз или хранить траур по вашему отцу до конца своих дней. Я не раба вам, дети мои, и ничем вам не обязана, а посему намерена решить, принимать мне предложение (которое, может быть, и не воспоследует) или же нет.

Тогда же, первая пристань у Большого Дома, коч «Отважный».

Сергей Петрович Грубин, духовный лидер, вождь и учитель племени Огня.

Первое экспресс-совещание по самым животрепещущим вопросам нашей действительности я открыл прямо на борту «Отважного», ибо встречать нас прибыл, как говорится, весь бомонд, включая деда Антона. Наш директор кирпичного завода и главный металлург вместе с супругой, против всякого ожидания, прибыл не вместе с Андреем на УАЗе, а на одноосной одноколке с тентом из крапивной ткани, в которую была запряжена кобыла по кличке Маруся, отловленная нами прошлой зимой во время Большой охоты. Внешне агрегат немного напоминал колесницы древних египтян и всяких там ассирийцев, только был развернут наоборот, ибо его пассажиры не стояли на площадке за ограждением, а с удобством сидели в креслах, демонтированных с французского автобуса.

Помимо всего прочего, из самого факта существования этого агрегата можно было сделать вывод, что Валере все же удалось решить на местном оборудовании задачу производства цельных гнутых ободьев для деревянных колес со спицами. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это не так: обода колес на бричке деда Антона оказались не цельногнутыми, а косяковыми¹⁰. Такое колесо, конечно, проще в изготовлении, но оно тяжелее цельногнутого и не такое прочное. Однако, как говорится, дорога ложка к обеду, а «изобретение» сборного колеса (точнее, способа производства этого девайса из местных материалов) – большой шаг в развитии местной цивилизации. Цельноспиловые колеса тачек – это все же ужасный примитив. Я дал себе слово чуть позже поговорить с Валерой и разобраться с использованной им конструкцией.

Итак, с прибытием деда Антона и Витальевны Совет Вождей в узком составе оказался в сборе и можно было приступать к раздаче подарков, тем более что моих товарищей и так уже изрядно заинтриговало присутствие на нашем корабле людей явно не первобытного вида. Известие о том, что в конечной точке маршрута нас ожидала группа британских кельтов седьмого века, бежавших от набега немирных саксов и в итоге прибежавшая к нашему началу начал, заставило коллег-вождей определенным образом напрячься, а личность отца Бонифация, представленного собственной персоной, и вовсе привела их в состояние вопросительного недоумения. Мол, а зачем этот персонаж вообще нужен в нашей песочнице? И хоть никто не нарушал никаких правил приличия, не ругался и не размахивал руками, мне пришлось упо-

---

¹⁰ **Косяковое колесо** – колесо, обод которого изготовлен не из цельногнутого куска дерева, а из отдельных сегментов-косяков, каждому из которых соответствует своя спица. Между собой косяки скреплялись деревянными и металлическими накладками.

коить начинающиеся волнения заявлением, что никакого слома сложившейся идеологической системы не будет.

– Отче не фанатик, – сказал я, – и понимает, что мы сейчас находимся во временах гораздо более древних, чем официальная христианская дата¹¹ сотворения мира. Поэтому большая часть христианского Писания, за исключением Книги Бытия, утратила свою силу, так как описанные там события еще не произошли, а Писание Шестого Дня Творения еще предстоит создать. Может получиться классическая ситуация, в которой обычно оказываются добрые люди, приносящие просвещение в темные человеческие массы и забывающие, что помимо просвещения требуются еще и твердые нравственные основы, а также вера в то, что жизнь имеет смысл, выходящий за рамки удовлетворения первичных потребностей тела. Отец Бонифаций сказал, что человек без веры превращается сначала в зверя, потом в беса, и я с ним согласен. Двоих, точнее, троих, таких бесов в человеческом обличье нам уже пришлось истребить из состава своего общества, и я не хочу, чтобы в таких бесов превратились наши потомки.

– Так что же, – спросил дед Антон, – все, что мы делали, получается зря?

– Да нет, не зря, – ответил я, – мы все делали правильно, но недорабатывали по части духовного развития. Я давал нашим девочкам все что мог – и своими проповедями-притчами, и личным примером, но думаю, что этого было недостаточно и, как бы это сказать, фрагментарно и факультативно. Я же все-таки не специалист-миссионер, а любитель. Выше головы не прыгну. Нашему племени, – точнее, народу, – необходимо целостное мировоззрение, которые полностью объясняли бы существующую картину мира и побуждало бы общество и дальше двигаться по пути технического и духовного развития, невзирая на нашу неизбежную кончину.

Виктор Легран, который как мог переводил мои слова на латынь, вдруг поднял руку, призывая ко вниманию. Отец Бонифаций заговорил – и его слова оказались воистину важными.

– Когда на землю прийти Христос, – перевел Виктор, – человек был поражен множеством духовный недуг, который мы называть грех. Алчность, честолюбие, гордыня, зависть, свирепство и похоть терзать его душу, не давая достичь, как это будет по-русски, перфекцион...

– Совершенство, – подсказала Витальевна.

С тех пор как стало понятно, что новоприбывший священник не собирается внедрять тут средневековый взгляд на гигиену как на препятствие к спасению души, она успокоилась и слушала эту импровизированную проповедь с величайшим вниманием.

– О да, – сказал Виктор Легран, – совершенство. Христос прийти лечить тот грех, но получиться плохо, потому что болезнь быть очень старый. Тут такой не быть. Грех еще нет. Есть голод, который делать человек людоед или разбойник. Клан Волк не брать еда больше, чем может есть, а если сам охота хорош, он грабить нет. Племя Огня голод нет, алчность нет, честолюбие нет, гордыня нет, зависть нет, свирепство нет, и похоть тоже нет. Когда месье Андре убивать враг, он не делать это ради сам смерть, и не делать это самый страшный способ, а когда ваш голый мужчин и женщин купаться в реке там нет похоть, месье Бонифаций специально смотреть. Он видеть – никто не хотеть чужой жена. Красиво есть, любовь есть, похоть – нет!

– Хорошо, Виктор, – сказал Андрей, – мы тебя поняли. Теперь спроси у этого падре Бонифация: у него есть какие-нибудь конкретные предложения или только благие пожелания?

– Да, есть, – перевел Виктор, – он хотеть смотреть наше племя, чтобы пытаться понять. Все понять, как мы жить, во что верить и что сделать так, чтобы грех тут не появляться. Ведь если начать бороться с грех, который нет, так он обязательно и появится. Когда он понять, то говорить с вам, и мы все решить, быть или не быть.

---

¹¹ Если отталкиваться от ориентировочной даты в пять с половиной тысяч лет до Рождества Христова, то это получается зазор между мезолитом и неолитом. То есть примерно в то время, когда был изобретен костяной рыболовный крючок, по виду почти идентичный современному, передовые человеческие культуры перешли от охоты и собирательства к примитивному земледелию, а оружие разделилось на охотничье и боевое. Именно тогда люди, резко увеличив свою численность, начали массово убивать других людей.

– Очень хорошо, – сказал Андрей, – спасибо за перевод, Виктор. У кого есть какие мнения?

– Тут кое-кто заметил, – сказала Витальевна, – что когда с нами нет Петровича, из церемоний и всего прочего исчезает какой-то неуловимый объединяющий нас дух. Ты уж извини, Андрей, но из тебя исполняющий обязанности шамана примерно как из меня прима-балерина. Так что я только за. Душа – достаточно тонкая материя для того, чтобы ей занимались профессионалы. Мы же все по происхождению христиане, даже кодекс строителей коммунизма берет начало в десяти заповедях, и единственное, что нас в нем не устраивает – фанатизм некоторых деятелей, желающих быть святее самого Творца.

Мы с дедом Антоном переглянулись и кивнули, и тогда Андрей сказал:

– Предлагаю общим решением совета вождей одобрить такой подход и возложить ответственность за данные действия на товарища Грубина. Сроку падре Бонифацию – ровно до осеннего равноденствия, ибо к тому времени, когда осенью начнется ход лосося, надо будет уже начать проповедь. Или не начинать; но это зависит от того, как сложатся обстоятельства.

Мы подумали и дружно подняли руки, после чего вопрос был решен. Демократия же, ептить, причем с эпитетом «военная».

Но на этом разговор не закончился, ибо весь изюм был впереди. Когда компания уже собралась расходиться, (то есть разъезжаться) по рабочим местам, я попросил их всех задержаться еще немного и торжественно возгласил: «Черный ящик в студию!». Ну чисто Якубович, когда он дает победителю выбор между миллионом рублей и котом в мешке. А ящики и тащить никуда не надо. Еще когда мы были на подходе, их извлекли из трюма и аккуратно складировали под полубаком, для пущей незаметности задрапировав брезентом. И вот появляются Вауле-Валя и Орите-Оля и сдергивают эту драпировку, обнажая покрашенные оливково-зеленой краской ящики типа «от мала до велика», с натугой берут один из них и тащат под ноги всей честной компании. Отвинчиваются заранее отпущенные и смазанные барашковые гайки, снимается крышка – и глазам Совета Вождей предстают пять помповых дробовиков в армейском исполнении времен первой мировой войны. Но на этом шоу не заканчивается. Мои жены тащат еще один ящик, в котором обнаруживаются пять винтовок Спрингфилда образца третьего дробь шестого (под патрон с остроконечной пулей) года. За ним вытаскивают ящик с двумя пулеметами Льюиса и ящик с разобранным станковым пулеметом Браунинга (прихватил для полноты картины). Следом появляются два ящика поменьше: один с автоматическими пистолетами, другой с револьверами Кольта (впрочем, под один и тот же патрон). И в самом конце публике демонстрируют ящик с американскими гранатами, внешне похожими на лимонки, и ящики с патронами всех трех типов. Внутри каждого ящика один из двух цинков был заранее вскрыт для демонстрации публике смертоносного содержимого. Ну прямо какая-то оружейная выставка на выезде...

Товарищ старший прапорщик запаса, главный бенефициар всего этого мероприятия, сначала непонимающе смотрит на представленное его очам богатство, потом, коротко и емко выразив свои эмоции, при всеобщем молчании спрашивает низким голосом:

– Откуда все это, Петрович?

– Там, – говорю я, – у устья Гаронны, километрах в пяти от Серегиного лагеря, валяется груда металлического хлама, некогда бывшая американским грузовым пароходом начала двадцатого века. Провалившись во временную воронку, за счет разницы в уровнях океана, сия посудина упала с высоты нескольких десятков метров на прибрежный лес и разбилась при этом вдребезги. Случилось это в середине зимы, точнее сказать трудно. Падение с большой высоты, взрыв котлов и водопад хлынувшей следом морской воды не оставил команде ни единого шанса, так что похоже, что спасшихся не было. Серега обнаружил это безобразие несколько дней назад во время охоты и сам провел первичное обследование. Тогда же выяснилось, что в ходе этого крушения большая часть груза осталась под обломками, но часть ящи-

ков разбросало по окрестностям, и в них находятся оружие и боеприпасы, и ничего более... Судя по всему, пароход перевозил американское оружие на первую мировую войну и должен был разгружаться в Бордо. Быть может, он и в самом деле совершал некий маневр, спасаясь от германской подводной лодки, после чего со страшным шумом загредел к нам сюда. Но и это далеко еще не все. В последнее время у нас тут стало буквально не протолкнуться от эмигрантов из различных эпох. Сначала в прошлое отправляемся мы, причем добровольно. Потом некто свыше подкидывает к нам на порог французских детишек. Потом совсем рядом с нами, в масштабах планеты, плюс-минус лапоть, падает пароход с оружием. Потом от гильотины монтаньяров к нам спасается Виктор де Легран с матушкой и маленьким братишкой, причем в итоге они оказываются в том месте и в то время, где мы сумели их подобрать. Потом на далеком берегу группа кельтов седьмого века, убегающая от саксонского военного отряда, оказывается в нашем времени – и, надо же, как раз там, куда некоторое время спустя причаливает «Отважный» в поисках кристаллов касситерита... Совпадений так много, что они наводят на размышления: а не задумка ли все это патрона отца Бонифация? И в то же время возникают подозрения, что следующий визит незваных гостей может оказаться и не таким приятным, как предыдущие. Нам что немцы из тысяча девятьсот сорок третьего года, что легионеры Цезаря, что крестоносцы из времен Альбигойских войн, что арабы и паладины Карла Великого времен битвы при Пуатье – все одно враги лютые, и разговор у нас с ними может быть только через прорезь прицела. Поэтому ради самостоятельного развития никакого табу на тот пароход и его груз я накладывать не буду. Возможно, это наша единственная возможность избежать серьезных неприятностей.

– Да уж, – сказал Андрей, когда я закончил толкать речь, – приплыли. Оборону в таких условиях придется строить по всем азимутам сразу. И то это поможет только если противник явится к нам силами до роты или совсем уж технически отсталый, вроде тех же римских легионеров. Но, в любом случае, мы еще поборемся – будь там хоть немцы с автоматами, хоть сам сатана с рогами и хвостом. Нужно будет организовать нечто вроде казачества, военные тренировки без отрыва от хозяйственной жизни.

– Да, это так, – согласился я. – В прошлом году мы лихорадочно пытались обогнать подступающую зиму и это у нас получилось. Теперь нам нужно бежать наперегонки с угрозой, которая неизвестно когда придет, и непонятно, будет ли вообще. А людские ресурсы у нас ограничены. Направим все силы на извлечение оружия с парохода – останемся без собственного металла, стекла, без построенных на зиму домов. Дорог в месте крушения нет, даже элементарной просеки, по которой можно было бы пустить брочку вроде той, на которой прибыл наш дед Антон. Каждый ящик придется вытаскивать на руках или на вьючных лошадках, в результате чего вывоз груза затянется до ишачьей пасхи. Разбирать руины опять же нечем. Автогена сдувать заклепки у нас нет, а сбивать их молотком и зубилом – мартышкин труд. Одним словом, нам необходимо взвешенное со всех сторон решение, какие силы мы нацелим на разборку парохода и какие – на остальные, не менее важные, дела. Поскольку ошибка в этом вопросе может стоить нам чрезвычайно дорого, я прошу сейчас не высказываться, а хорошенько все обдумать и собраться на еще одно совещание, на этот раз в расширенном составе, накануне дня летнего солнцестояния. Там каждый выскажет свое соображение, и мы выработаем такую средневзвешенную политику, чтобы нам и на елку можно было влезть, и не оцарапаться. Если вопросов больше нет, то давайте разойдемся по своим местам и займемся текущими делами, которые за нас никто делать не будет.

**28 июня 2-го года Миссии. Четверг. Полдень. Большой Дом.
отец Бонифаций, капеллан племени Огня.**

Вот уже почти сутки от рассвета до заката капеллан клана Рохан в сопровождении Виктора Леграна широкими шагами меряет дороги и тропки окрест поселения племени Огня. И

взгляд его ложится не только на поля, мастерские и прочие чудеса, но и на работающий повсюду народ. Он слушает объяснения своего спутника, и окружающее нравится ему все больше и больше.

Больше всего это напоминает общину первых христиан или даже монастырь – странный смешанный монастырь, не накладывающий на насельников обета безбрачия. Общая собственность на все, что есть в племени, настоятель (то есть князь), вкушающий с братьями и сестрами за одним столом и из одного котла, как родной отец, а не как господин. В поте лица добывают они свой хлеб, и князь Сергей ап Петр – один из первейших тружеников этого народа. Он и заведует на стройке, он и начальник в деревообделочной мастерской, он и капитан корабля, совершающего плавание по разным надобностям, он и судья, он и князь, он и епископ, проводящий для племени важнейшие церемонии.

Побывал отец Бонифаций и в так называемых детских яслях, где под наблюдением леди Фэры более полусотни маленьких членов племени, поделенных на возрастные группы, под руководством совсем молоденьких девушек познавали жизнь, в которую им предстояло вступить в ближайшее время. Особенно священника поразила игра, когда целые группы детей под руководством своих воспитательниц из игрушечных брусков, досок, цилиндров и конусов возводили дома и целые дворцы. В эти же ясли были отданы вывезенные с Берега Нерожденных Душ дочь Марвина-рыбака восьмилетняя Уна и дети Альбина-гончара: семилетняя Дженнифер и трехлетний Иден. Прошел лишь один день, а они уже с азартом играли со своими сверстниками. Священник подумал, что, пожалуй, эти дети из клана Рохан первыми выучат новый язык – разумеется, на своем, доступном их детскому уму уровне. Дети постарше под руководством так называемых «вожатых» собирали в окрестных лесах, грибы, ягоды и прочие дикоросы, которые они потом относили на кухню.

Некоторые девушки-воспитательницы были темными и светлыми дикарками, другие являлись выходцами из далекого двадцать первого века. В первую очередь отец Бонифаций хотел побеседовать именно с ними, да только их знание латыни было гораздо худшим, чем у Виктора. Фактически он сам по-русски говорил лучше, чем эти девушки на языке древних римлян. Вот что значит полное погружение в языковую среду, а не один-два урока в неделю, да еще у преподавателя, которому этот язык неродной. Но, помимо них, в эту же группу следить за играми малышей были назначены дочь леди Гвендаллион четырнадцатилетняя Шайлих и ее сверстница и подруга, дочь Виллема-воина Фианна. Священник поговорил с девушками, выслушал их рассказ о жизни на новом месте и утешил словами, что им досталась не самая тяжелая работа. Мол, многие их сверстницы работают в поле, пропалывая грядки от сорняков или на кирпичном заводе формуют из глиняной массы кирпичи. Поэтому терпите, дети мои, и возлюбите порученных вашему присмотру малых сих как своих собственных чад, которые у вас, несомненно, еще будут.

Еще одним удивившим отца Бонифация фактом было то, что рыбу для пропитания племени ловили не взрослые мужчины, а совсем юные девочки-девушки, голоногие, в коротких кожаных юбочках. Распоряжался ими мальчик чуть постарше своих подчиненных – загорелый, с выгоревшими вихрами и вечно исцарапанными локтями и коленками. Кстати, трех девушек из клана Рохан, – дочь Тревора-управляющего Авалон, дочь Онгхуса-кузнеца Бриджит, а также дочь Корвина-плотника Эну, – определили как раз в рыбацкую бригаду, и теперь они наравне с остальными вытягивали снасти и наживляли на острые крючки противных дергающихся червяков. И с ними священник тоже с удовольствием побеседовал, собирая информацию. Вот юные рыбачки совсем не жаловались, этим девочкам все было интересно и в новинку, а начальствующий над бригадой юноша Антоний оказался очень интересным мальчиком.

Вот только знали эти девочки еще слишком мало и не смогли даже сказать, что четыре темненьких и четыре светленьких девушки, составляющие костяк бригады, на самом деле являются Антону-младшему будущими женами и исполняют в его отношении все супружеские

обязанности, кроме постельных. Это удивительную новость отец Бонифаций узнал от Виктора, который сообщил о ней как бы между делом. В этом диком мире дети взрослеют рано, и вот эти совсем еще дети выполняют те же обязанности, какие в клане Рохан выполняет взрослый Марвин-рыбак. Несомненно, этого достойного человека еще ждет немалое удивление, когда он поймет, что его место в новом народе прочно занято двенадцатилетним мальчишкой, который достойно справляется со своими обязанностями; по крайней мере лошадь, своим ходом курсирующая между берегом и столовой, едва успевала отвозить добытый улов на разделку.

Навестил падре и леди Гвендаллион в Большом Доме – там, где проживало княжеское семейство. Точнее, застать ее там он смог только прошлым днем после ужина, поскольку новые подруги, жены Сергия ап Петра, увели ее на прогулку на луг, где паслось небольшое стадо племени Огня и бегала огромная лохматая собака.

Поняв, что хочет от него леди, капеллан клана Рохан даже несколько растерялся. Ну как он может дать совет в таком деликатном деле: выходить леди Гвендаллион замуж за местного князя или доживать дни вдовой (ибо другого, хотя бы близко подходящего, варианта нет и не предвидится)? В обоих случаях никто и ни к чему принуждать ее не будет. В случае отказа леди Ляля и другие жены князя, оказавшие ей доверие, могут высказать некоторое сожаление – и все.

Если немного подумать и осмотреться непредвзятым взглядом, то становится понятным, что жизнь в этом племени течет вполне праведно и благочестиво... Разумеется, если не считать некоторых вещей, которые могут шокировать любого честного христианина. Особенно падре смущали эти коллективные купания голышом перед ужином. Но еще позавчера вечером, – как и вчера, и в предыдущие два дня, – во время плавания по реке отец Бонифаций не нашел в этом мероприятии ни малейшего признака похоти. Виктор объяснил, что того, кто не совершил омовения и не смыл с себя трудовой пот и пыль, Марина ап Виталий просто не пустит за стол ужинать. Чистота – ее религия, и не будь эта женщина доброй христианкой, быть бы ей жрицей Гигии и Асклепия. Да и воистину, побывав в деревообделочной мастерской и на кирпичном заводе, священник признавал, что если умерщвление плоти не считается тут доблестью (а это действительно так), то без омовения тела после такой пыльной и грязной работы не обойтись. Да и работа в поле и на огороде тоже не самая чистая. Собственно, ему самому тоже пришлось, отойдя в сторонку за кусты, скинуть рясю и омыть еще совсем не старое жилистое тело в водах ручья. И ведь никто при этом его не побеспокоил.

В итоге, приняв исповедь и отпустив леди Гвендаллион грехи, которые она успела совершить мыслью (ибо телом эта почтенная матрона еще не грешила), капеллан клана Рохан разъяснил ей, что они по Воле Божьей очутились там, где не действуют установления отцов церкви, ибо не настало еще их время. Если ты приехал в Рим, то веди себя как римлянин. Единственное, что он может сказать – вступление в брак, каким бы он ни был – это благое дело и исполнение Господнего завета «плодиться и размножаться», а делать то же без брака – блуд. Решать же, соглашаться на предложение княжских жен или нет, придется ей самой. Иначе зачем ей даны ясный разум и свободная воля?

Тогда же и там же.

Гвендаллион, вдова Брендона ап Регана, временная глава клана Рохан.

Удивительно, но я тут всего лишь второй день, а вся прошлая жизнь кажется мне уже каким-то сном, когда страшным, когда не очень. Жены Сергия ап Петра с первых же минут окружили меня неподдельным участием и заботой. У меня никогда не было по-настоящему добрых подруг: виллы соседних фамилий находились от нас достаточно далеко, а в собственном доме у меня могли быть только служанки, и не более того. Здесь же все по-иному. Если тебе оказывают знаки приязни и уважения, то это потому, что ты – это ты, а не из-за социального положения и высокого происхождения. С другой стороны, кто я для Сергия ап Петра?

Дочь давно вымершего народа, кости которого уже много веков занесены песком времени, и даже нации такой «корнцы» не осталось и в помине, все растворилось в англах и саксах... Но я смогла, я сумела уберечь свою фамилию от самого худшего, не дала ей предаться унынию и отчаянию, а потому, когда пришла присланная Господом помощь, мы встретили ее гордо, стоя на своих ногах с высоко поднятой головой. Я сделала для этого все, что могла, а потому мне оказывается почет и уважение.

К тому же оказалось, что совместный поход в баню еще не был тем местным сватовством, о котором мне рассказывал наш друг Виктор. Вместе со мной в это жаркое, похожее на Преисподнюю, место посетили только вернувшиеся из путешествия темные жены Сергия ап Петра, а также леди Фэра. А сам господин и повелитель пришел гораздо позже, когда меня, усталую, распаренную и едва переставляющую ноги, отвели туда, где я могла спокойно почитать до утра. Если я стану супругой этого русского князя, то мне придется привыкать к тому, что один-два раза в неделю меня будут обливать горячей водой, тереть жесткой лыковой мочалкой с мылом и нещадно избивать запаренными в кипятке связками березовых и дубовых веток. Сначала я наблюдала, как леди Фэра и леди Алуанна в четыре руки «наказывали» таким образом младших темных жен Сергия ап Петра, имена которых я никак не могу запомнить. Потом на широкую деревянную скамью легла Алуанна, и уже младшие жены довели ее до изнеможения. И лишь затем настала моя очередь. Когда старшие жены хлестали меня своими связками прутьев, то, против моего ожидания, больно не было, только весьма непривычно. Ну а потом мы все вместе пили холодный, чуть горьковатый травяной настой с медом, после чего я почувствовала необычайную слабость.

Тогда леди Фэра позвала леди Илин и леди Мани, которые помогли мне одеться в летнее местное платье (мои вещи отдали в стирку), и под руки проводили до гостевого летнего дома, что находился поблизости. Я упала на набитый свежим сеном чистый матрас и тут же провалилась в сон. Но еще перед этим, на полпути от бани до гостевого дома, мы встретили Сергия ап Петра, который в сопровождении леди Ляли широкими шагами шел навстречу. И тут я подумала, что как раз сейчас, с моим уходом, в бане начнется все самое интересное... И от этой мысли в чреслах, давно не принимавших в себя мужчину, вспыхнул огонь и появилось желание развернуться кругом и броситься обратно. Но, во-первых, мне нужно было соблюдать достоинство, ибо ничто мое от меня не уйдет; а во-вторых, мне ужасно хотелось спать, и поэтому я не стала ничего предпринимать.

Когда я проснулась, кругом стояла такая тишина, что было слышно, как за окном пронзительными голосами стрекочут кузнечики. Несмотря на глубокую ночь, в комнате не было темно. Над дверью, не мигая, горел синеватый колдовской огонек, освещающий мою комнату призрачным потусторонним светом. В этом свете было видно, что на столе, накрытые чистой тканью, стоят миска с едой и высокая деревянная кружка с травяным напитком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.